

«...Бьются мальчиши
от темной ночи
до светлой зари...»

КОСТЁР

2 ФЕВРАЛЬ 1979

КОСТЁР

2
ФЕВРАЛЬ
1979

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1978 г.

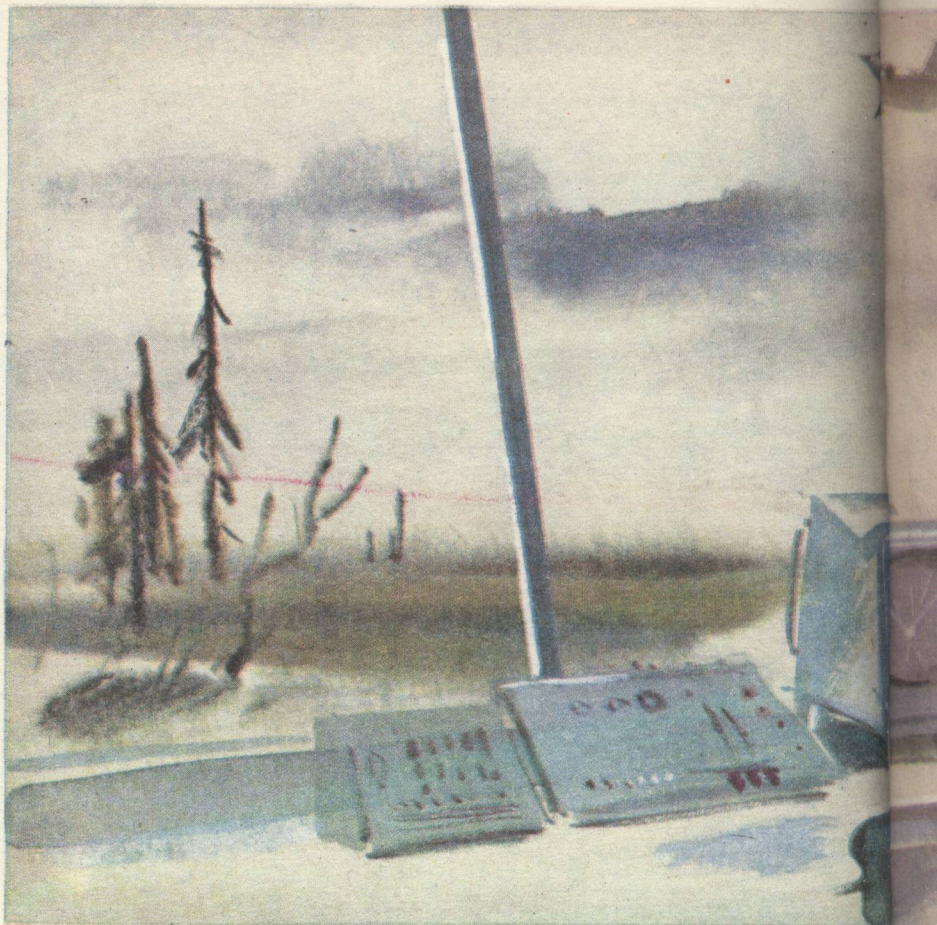
В ЭТОМ
НОМЕРЕ:

●
КРАСНЫЙ СИГНАЛ
„ЗАРНИЦЫ“

●
СОВЕТЫ
ЧЕМПИОНА МИРА
АНАТОЛИЯ КАРПОВА
ЮНЫМ ШАХМАТИСТАМ

●
„Веселый звонок“.
Новый отдел—
шутки, юмор

●
На обложке рисунок В. Лосина
к сказке Аркадия Гайдара

КАК ЖИВЕТ

Еще когда я служил в армии, неподалеку от нашей части размещался военный городок, где жили и работали будущие авиамеханики. И днем и ночью доносился оттуда рев реактивных двигателей. И когда я слышал этот грозный гул, я, честно говоря, немножко завидовал нашим соседям. Мне казалось, там идет особая жизнь, полная тревог и опасностей. Если бы я тоже мог хотя бы взглянуть на боевые самолеты, постоять возле них, дотронуться рукой до их крыльев!

С тех пор прошло немало лет, и нужно ли говорить, как я обрадовался, когда однажды летчики пригласили меня к себе в гости. Я отложил все дела, собрался и поехал. А точнее говоря — полетел. Потому что в гости к летчикам вез меня вертолет.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ САМОЛЕТ

Так уж случилось, что первым делом я попал не в военный городок, где живут летчики, не на аэродром, откуда вылетают их боевые машины, а на полигон.

Я поднялся по узкой, длинной лесенке на вышку и оказался в небольшом застекленном помещении. Оно напоминало рубку корабля. Посередине, за пультом управления, перед микрофоном сидел офицер — руководитель полетов.

АЭРОДРОМ

РАССКАЗ

Борис НИКОЛЬСКИЙ
Рисунки Л. Иванова

А далеко внизу, прямо перед нами раскинулся полигон — огромная болотистая равнина, кое-где покрытая чахлам кустарником. Повсюду виднелась опаленная трава, большие и маленькие воронки от бомб. А еще по всей равнине были расставлены — где рядами, а где поодиночке — фанерные макеты танков, самолетов, ракет и пушек.

— Семьсот четвертый, вижу, подход разрешаю, — сказал в микрофон руководитель полетов.

Я прижался к стеклу и стал смотреть в небо, пытаюсь отыскать самолет. Но там, высоко в небе, плыли лишь редкие облака. Самолета не было.

Я продолжал смотреть в небо, и тут вдруг раздался оглушительный грохот. Я даже не успел сообразить, откуда появился самолет. Казалось, он выскочил из-за леса, пронесся над самыми верхушками деревьев, над фанерными танками и исчез. А там, где только что стоял фанерный танк, теперь клубилось темное облако взрыва.

«Ладно, — подумал я про себя. — В следующий раз я уж его не прозеваю...»

И принялся во все глаза смотреть туда, где на горизонте темнел лес. Я глядел так пристально, что у меня даже стало рябить в глазах.

И опять рев двигателей возник внезапно.

Я завертел головой, пытаюсь понять, где самолет. На этот раз он словно возник сам собой, в самом центре, в самом зените неба, и теперь стремительно и неотвратимо, как по натянутой струне, несясь вниз, к земле. И вдруг будто струя огня насквозь прошибла его — это от самолета отделилась ракета.

Ракета продолжала мчаться к цели, а самолет уже круто взмыл вверх и пошел прочь.

Я еще не успел опомниться, а в небе над полигоном снова появилась темная точка и, разрастаясь, опять яростно ринулась вниз.

«Ага, все ясно, снова ракету пускать будет», — решил я.

Но что такое? Что произошло?

Продолжение см. на стр. 8

някова. Лежал на снегу вчерашний Мальчиш-Кибальчиш, вчерашний Тимур, и вдруг вспомнилось, всплыли в памяти слова, сказанные Аркадием Петровичем Гайдаром незадолго до войны: «Пусть потом, когда-нибудь люди подумают, что вот, мол, жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили краснозвездную крепкую гвардию».

Он хорошо помнил тот день, когда Гайдар пришел в издательство, чтобы впервые прочитать сказку о Мальчише-Кибальчише. Сказка, которую читал Гайдар, была о войне, о подвиге детей, ставших в ряды взрослых в священной войне с мировой буржуазией. Быть может, оттого, что написал эту сказку человек, который в шестнадцать лет командовал полком, а быть может, и потому, что молодой писатель обладал даром видеть вперед, но сказка, прочитанная им, скорее напоминала сказ или легенду, потому что не было в ней ничего выдуманного, а одна лишь правда. И была тревога за судьбу единственной в мире страны рабочих и крестьян. И была уверенность, что поколению пионеров еще придется схватиться с черными силами капитализма.

Так думал не только Гайдар. Первая книга, которую выпустил Василий Георгиевич Компаниец в качестве редактора Детгиза, называлась «Молодые шеренги». Ее написала Татьяна Эсс. Начиналась книжка стихами:

«Ни залпы,
Ни тюрьмы,
Ни благовест
Не остановят
нас.

Пионер,
Комсомолец,
Спартаковец —
гордость рабочих масс.
Бей, барабанщик,
по натянутой коже,
Взвейся, пламя
галстуков красных!
Международный день молодежи —
Мировой революции
Праздник».

Они легко понимали друг друга — те, кто пришел в детскую литературу: писатели и редакторы. Иначе и не могло быть, потому что и у тех и других была общая биография — гражданская война, продразверстка, отряды ЧОН, комсомол. Все они мечтали о мировой революции, о построении мира, справедливого и прекрасного, все они знали, как выглядит настоящее мужество, и знали цену словам. Поэтому писать плохо стыдились, книги выпускали на оберточной бумаге, серой или коричневой, но художники-оформители своим искусством спасали положение — книжки выходили броскими и мускулистыми, книжки для юных строителей социализма.

В 1937 году при ЦК ВЛКСМ был создан журнал «Затейник». Василия Георгиевича назначили ответственным редактором. В журнале печатались пьесы, рассказы, танцы, игры, самоделки. Попутно журнал

В. Компаниец

учил тому, как разжигать бездымный костер из сырых дров, как ориентироваться на местности по звездам, по солнцу, по стволам деревьев и пням, — Василий Георгиевич был уверен, что все эти премудрости пригодятся будущим бойцам,

и вот теперь он убеждался, как все это было важно.

Начав войну рядовым Московского ополчения, куда он вступил добровольцем 5 июля 1941 года, Василий Георгиевич Компаниец закончил ее майором. За ночной бой 2 декабря 1941 года под деревней Юшково был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Были и другие бои и были другие ордена — и Красного Знамени, и Отечественной Войны двух степеней, и Красной Звезды.

В декабре 1945 года Василий Георгиевич сменил военную форму на гражданскую.

Он вернулся к своей любимой работе, в издательство «Детская литература», бесшумным главным редактором которого он был по 1970 год. Но уже не было в живых Аркадия Гайдара — погиб под Каневом, не стало замечательного фантаста Беляева, автора «Человека-амфибии» — умер во время войны в городе Пушкине, не было других замечательных поэтов и писателей — их унесла война, но Василий Георгиевич знал, что в детскую литературу непременно придут новые талантливые люди, и они пришли, и в лице главного редактора Василия Георгиевича Компаниеца, в лице директора издательства Константина Федотовича Пискунова они встретили таких заинтересованных людей и внимательных, доброжелательных наставников, что их талант не мог не расцвести в полную силу.

...Живет в Москве на улице Вальтера Ульбрихта человек. Иногда он прогуливается по бульвару неподалеку от дома или сидит на лавке, читает книгу. Его легко узнать: он высок, у него доброе красивое лицо и веселые глаза. Как и все настоящие люди, он скромный, даже застенчивый. Это Василий Георгиевич Компаниец — человек, который почти всю свою жизнь посвятил детям...

Г. ЧЕРКАШИН

НАШ СЕВЕРНЫЙ КРАЙ

ЧЕРЕМУХА ЦВЕТЕТ

Оля Привалова

Я живу в городе Архангельске. Когда в июне цветет черемуха, то кажется, что на землю опустилось белое облако.

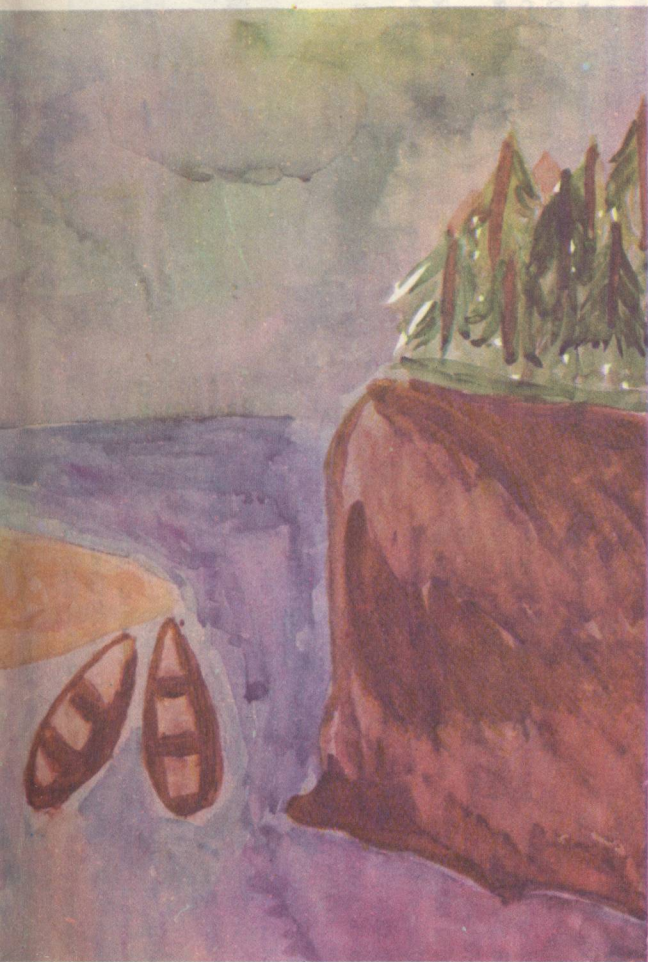
Как хороша наша северная черемуха! Душистые гроздья цветов закрывают зеленую листву, кружатся мохнатые шмели. Мы с нетерпением ждем того дня, когда черемуха покроется белыми цветами и ветер разнесет ее горьковатый аромат. Я очень люблю, когда цветет черемуха, и поэтому я нарисовала картину «Черемуха цветет».

Оля Привалова

И я живу в Архангельске. А расскажу я про клюкву. Мы каждую осень ездим на болото за клюквой. Интересно собирать ее. Клюква стелется по мягкому зеленому мху. Она растет на тоненьком стебельке, почти с ниточку. Так и хочется взять клюкву в рот, но она кислая. Но все равно я очень люблю клюкву. Потому я написала картину «Клюква».

Марина Козицина

**КЛЮКВА
Марина Козицина**

НА МЕЗЕНИ ВЕСНОЙ

Лара Иванова

Я очень люблю наш северный край. Особенно мне нравится ледоход на Северной Двине. Я люблю смотреть, как ходят по реке большие корабли, и люблю, когда очень большие волны.

Однажды я была на реке и наблюдала, как идет лед. И вдруг заметила, что недалеко от берега на льдине лежит тюлененок. Он заплыл, наверное, из Белого моря. Маленький тюлененок вел себя спокойно, он с любопытством смотрел на людей, которые удивленно разглядывали гостя из Арктики.

Оля Кузнецова

Пришла в Архангельск зима. Все нашли себе занятие: кто играет в снежки, кто лепит снежную бабу, а кто просто катается с гор. Кругом разукрашенные горки и сказочные избушки, где продаются вкусные бублики и блины. Весело зимой в нашем северном краю!

Вера Алабышева

ТЮЛЕНЕНОК

Оля Кузнецова

На реке Мезени берег крутой и высокий, а сама наша река — красивая, широкая и многоводная. В жаркое лето она мелеет, и тогда выглядывают песчаные островки. На высоком берегу в мае уже зеленеет мягкая трава под великанами соснами.

В лесу много грибов и ягод. Когда солнце встает, его обычно не видно из-за деревьев. А верхушки сосен и елей зальет оно ярким светом днем.

В реке Мезени много рыбы, в лесах — зверей, а на болотах в изобилии растет клюква.

Мне очень нравится мой северный край.

Лара Иванова

ЗИМА ПРИШЛА

Миша Вепрев

БАРАБАН

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ

**„Пионеры
всей страны
делу Ленина
верны!“**

**Наше
Глажево
Строится**

Мы живем в поселке Глажево Киришского района Ленинградской области, на центральной усадьбе совхоза «Осничевский».

Дома в поселке новые. Улицы асфальтированы. Есть Дворец культуры и Дом быта, музыкальная и спортивная школы. И все это выросло на наших глазах.

Когда мы учились в первом классе, за окнами был пустырь. Когда перешли во второй, — строители сдали первый дом. В третьем — в поселке появилась первая благоустроенная улица. А теперь? А теперь мы уже в восьмом. И все новостройки в нашем Глажево теперь уже трудно перечислить! Первой новостройкой была наша школа.

**Тая Федулова,
Ира Смелкова**

Нечерноземье — Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

От берегов Северного Ледовитого океана до границ Курской и Тульской областей протянулась его территория.

Как живут пионеры Нечерноземья? Об этом рассказывают юнкоры «Барабана», ученики Глажевской средней школы.

**Олимпийский
характер**

Когда во время соревнования первой на финише появилась спортсменка под номером 7, мы даже не поверили, что это наша Люда Рябцева. Спрашиваем: «Что случилось?» Говорит, в болото попала. Хотела выиграть несколько метров и свернула с трассы. Угодила в самую трясику. Но стоило подумать, что все тренировки впустую, — разозлилась на себя, прибавила ходу и — выиграла.

Витя Круглов,
капитан школьной команды по спортивному ориентированию

**Жернов, тесак
и „Фордзон-путиловец“**

Мой папа — комбайнер. Летом, во время каникул, я часто ему помогаю. Однажды был такой случай. Работали мы на уборке сена. День был жаркий, пить хочется, а воды во фляжке ни грамма. Что делать? Отец говорит: «Сбегай в Лаховку. Там, правда, сейчас уже никто не живет, но воды достать можно. Сбегай, мне тоже пить охота». Побежал я в деревню, нашел колодец.

А там, прямо у колодца, кринка глиняная стоит, да не простая, а с какими-то узорами. Словом, настоящий экспонат для школьного музея. Отнес я ее в сторону от дороги, чтобы кто-нибудь случайно не разбил, взял воды во флягу и — скорей к трактору. А вечером, когда вернулся с поля, зашел к Жене Халамову. Он тоже член совета краеведческого школьного музея. Женя сразу все понял. «Согласен, — говорит, — не порядок это — историей своего совхоза мало интересоваться». Договорились, что мы с Женей и его братом Сашей в воскресенье пойдем в эту самую деревню и все внимательно осмотрим. Не один раз пришлось нам ходить за экспонатами.

В музее появилась глиняная посуда прошлого века, жернов — прадедушки и прабабушки им зерно мололи. Лапти в деревне нашли. И туесок из бересты.

А один экспонат всех озадачил. Мы его в заброшенной кузнице нашли. Он там в ящичке лежал, завернутый в полотняную тряпочку. Никто в нашей школе не смог определить, что это такое. Только Вячеслав Геннадьевич Мухин, старейший тракторист нашего совхоза, сказал: «Это, ребята, звено от колеса первого советского трактора «Фордзон-Путиловец». Вам очень повезло!»

Коля Клеков,
член совета музея школы

Следопыты рассматривают жернов

Вести с пионерских маршрутов

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГАЙДАРА

Пионерская дружина школы № 3 носит имя нашего любимого писателя Аркадия Гайдара.

В день рождения Аркадия Петровича всегда проводится радиосбор «Наследники Гайдара». Ребята рассказывают о тимуровской работе, читают стихи, посвященные Аркадию Гайдару.

Штаб «Звезды Тимура»,
Красноуральск

ДРУЖНЫМ УЧИТЬСЯ ЛЕГЧЕ

В нашем классе стало меньше плохих отметок, меньше нарушений дисциплины на уроках. Спросите, почему?

Наш отряд стал дружнее.

В первом письме я писала вам, что одноклассники часто ссорятся, а теперь поняла, что мне самой надо было быть дружнее с ребятами.

Лариса Аслаева,
Белорецк
Башкирской АССР

ШЕФСТВУЕМ НАД МАЛЫШАМИ

Пионеры нашего класса шефствуют над малышами из детского сада «Колокольчик».

Зимой для малышей строим снежные горки, играем с ними в снежки, помогаем лепить снеговиков.

Малыши очень хотят побывать у нас на уроках, в библиотеке и даже в столовой.

Римма Оськина,
школа № 22, город Узловая
Тульской области

Трехлетний Дима:

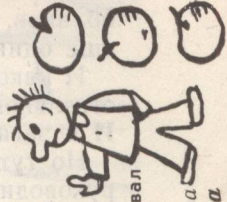
— Мама, я видел, тучки подрались!
Мама (с удивлением):
— Откуда ты это взял?
Дима:
— Так ведь они плачут!

Прислала
Оля Скворцова
из города Неман
Калининградской области

Учитель:

— Было три яблока. Ты отдал Свете одно яблоко. Сколько осталось?

Ученик:
— Три...
Учитель:
— Почему?
Ученик:
— Я Свете не давал яблока.

Прислала
Лариса Аслаева
из города Белорецка
Башкирской АССР

ЗАВЕТНАЯ СТРАНИЧКА

У нас в юнкорском отряде как-то загорелся спор, что значит победить... Всегда ли это то же самое, что стать первым?

И мне вспомнился такой случай. Я участвовала в литературной олимпиаде, готовила реферат по заданной теме. Подобрала нужную литературу, старалась как можно точнее сформулировать мысль. Хотелось мне, чтобы мое сообщение было лучшим! Я проиграла. Первым стал восьмиклассник.

Как я обиделась! Рассердилась на себя за свою неудачу. На какое-то мгновение захотелось неудачи сопернику-победителю. Но потом подумала: «Разве я не испытала радости от трудной работы? Разве тема не покорилась мне?»

Я поняла, что очень важно победить себя, свою слабость, свое незнание и неумение.

Обида и боль прошли. И в душе я пожелала своему сопернику победы и в дальнейшем — на областной олимпиаде.

Согласны ли вы с моим выводом: если проиграл — не озлобляйся! Не дай умереть в душе бесценному качеству — доброте!

Таня Михалева,
город Карпинск Свердловской области

НАШ ФОТОКОНКУРС

ХОРОШИЙ АППЕТИТ
Фото Васи Петухова, Петрозаводск

КАК ЖИВЕТ АЭРОДРОМ

Начало смотри на стр. 1

Казалось, огненная струя протянулась от самолета до самой земли. Это была скорострельная пушка. Раз! И, словно разрубленный пополам, развалился фанерный макет бомбардировщика.

А небо над полигоном опять уже было чистым, лишь редкие облака лениво плыли в вышине...

И тогда я подумал, что, должно быть, мне здорово повезло: за каких-нибудь несколько минут я сумел увидеть три разных самолета!

Первый, тот, что пронесся над самой землей и сбросил бомбы, — это, конечно, бомбардировщик. И я загнул один палец.

Второй, тот, что обрушился с высоты, из-за облаков, — наверно, ракетносец. И я загнул еще один палец.

И наконец последний, который бил из скорострельной пушки, — это, пожалуй, истребитель. И я загнул третий палец.

Но тут в мои подсчеты вмешался офицер — руководитель полетов. Он засмеялся и покачал головой.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Все три раза вы видели один и тот же самолет. Да, да, один и тот же.

— Вот так раз! — изумился я. — Выходит, он и над самой землей умеет летать и в заоблачную высь может забраться, так, что ли?

— Так.

— Что же это за самолет такой? Бомбардировщик?

— Верно. Бомбардировщик.

— Или все-таки истребитель?

— Точно. Истребитель.

— Но разве так бывает?

— Бывает! Почему же не бывает? Оттого этот самолет так и называется: истребитель-бомбардировщик. Понятно?

— Удивительный самолет! — сказал я. — Удивительный!

ЧЕТЫРЕ МАЙОРА АГЕЕВА

На следующий день я приехал на аэродром. Уж очень мне хотелось посмотреть, что за люди управляют таким замечательным самолетом.

А тут как раз приземлился истребитель-бомбардировщик, пробежал по бетонной полосе, зарулил на стоянку.

Красавец-самолет!

Рядом со мной остановился лейтенант, тоже на самолет смотрит.

Я его спрашиваю:

— Вы не знаете, кто управляет этим самолетом?

— Пилот, майор Агеев.

— А кто прокладывает курс? Кто определяет, как точнее выйти к цели?

— Штурман, майор Агеев.

— А кто держит связь с землей?

— Радист, майор Агеев.

— А кто наводит ракету на цель, кто нажимает гашетку скорострельной пушки?

— Стрелок, майор Агеев.

Вижу, улыбается лейтенант. Разыгрывает он меня, что ли?

Но не успел я ему ничего сказать, как уже откинулся прозрачный фонарь самолета, выбрался из кабины летчик. Один. Снял летний шлем, протягивает мне руку:

— Будем знакомы, майор Агеев.

— Выходит, — говорю, — вы и пилот, и штурман, и радист, и стрелок?

— Так точно, — говорит он. — И пилот, и штурман, и радист, и стрелок.

— Значит, — говорю, — вы один, без всяких помощников с таким замечательным, с таким сложным самолетом управляетесь?

— Да как вам сказать, — смеется майор Агеев. — Один-то один, да вроде бы и не совсем один.

— Не понимаю, — говорю, — как это так: и один и вроде бы не один?

— А вот подождите немного, я освобожусь, — говорит майор Агеев, — пройдемся вместе с вами по аэродрому. Тогда и решим — один я летаю или не один...

ТЕХНИК ПЕРЧАТКИН

Первыми, к кому мы направились, были люди в комбинезонах и шлемах. Они работали возле самолетов, и, чтобы не мешать им, мы остановились поодаль.

— Это авиационные техники, — сказал майор Агеев. — Они готовят самолет к вылету. Осматривают, проверяют, чтобы ни одна деталь, ни один прибор не подвел летчика в воздухе...

Он говорил еще что-то, но его слова уже заглушил ужасный грохот. Никогда раньше не слышал я такого грохота. Казалось, даже воздух вокруг дрожит и колеблется от этого рева. Это техники вместе с летчиками проверяли двигатели самолетов.

«Вот почему, оказывается, техники носят шлемы с радионаушниками, — подумал я. — Иначе в таком грохоте кричи не кричи — ничего не услышишь...»

Рев двигателей все усиливался. Теперь у меня было такое ощущение, будто этот рев проникает в каждую клеточку моего тела. Я едва удерживался, чтобы не зажать уши. И все равно мне не хотелось уходить отсюда. Как будто весь пропитанный, насыщенный этим громом я тоже становился немножко похож на настоящего летчика. Или на авиационного техника.

— Был у меня такой случай, — сказал майор Агеев, когда рев двигателей прекратился и снова наступила тишина. — Прислали к нам

техника — лейтенанта Перчаткина, сразу после училища. Парень вроде бы старательный, хороший, скоро доверили ему самостоятельно готовить к вылетам мой самолет. Все шло нормально, только однажды возвращаюсь после полета и вижу: лейтенант сам не свой. «Что с тобой, Перчаткин, — спрашиваю. — Случилось что-нибудь?» — «Нет, нет, — говорит, — ничего не случилось».

Ну ничего так ничего. А вечером Перчаткин ко мне подходит и говорит: «Товарищ майор, что хотите со мной делайте, а не могу вам не признаться: я сегодня ведь ваш самолет не весь осмотрел. Времени было в обрез, не успевал я, вот и поторопился доложить — машина в порядке, к вылету готова. Себя успокоил, пустяки, мол, мелочи там остались, обойдется... А как поднялись в воздух, как увидел я самолет уже в небе, — словами трудно передать, что я почувствовал! А ну как, думаю, случится что-нибудь, я же виноват буду, я же сам себе навеки этого не прошу! Еле дождался, пока самолет приземлился. Пусть теперь меня накажут, пусть».

«Что же тебя наказывать, Перчаткин, — говорю, — ты сам себя наказал...» — «Теперь, — спрашивает он печально, — вы, наверно, от меня откажетесь?» — «Да нет, — говорю, — Перчаткин, зачем же мне от честного человека отказываться? А ты, вижу, честный человек, правду от меня не стал скрывать — это самое главное». Как раз с этого дня я и поверил в своего техника по-настоящему. Знал: не прошли для него даром те часы, когда был самолет в воздухе, когда переживал он здесь, на земле, за меня... И я не ошибся. Отличный вышел из Перчаткина авиационный техник.

Вот и получается: хоть и остается техник на земле, а мысленно он всегда рядом с летчиком, в небе. Хоть и расстаются техник и летчик на время полета, а на самом деле они всегда вместе.

Согласны со мной?

И я, конечно, не стал спорить.

ТАИНСТВЕННЫЕ КОРОБКИ

Пока майор Агеев рассказывал историю про техника Перчаткина, мое внимание привлекли два солдата. Один из них с металлической плоской коробкой в руках пробежал к двухэтажному зданию, а другой — с такой же плоской коробкой — обратно, от двухэтажного здания к самолетам. А вид у обоих солдат был серьезный, озабоченный. Сразу можно сказать: важное дело делают люди!

Наверняка любому на моем месте непременно захотелось бы разузнать, что это за такие таин-

ственные коробки? И что в них скрывается? И зачем их носят туда и обратно? И отчего так торопятся солдаты?

Вот сколько вопросов сразу!

Майор Агеев выслушал меня и сказал:

— Ну что же, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойдемте, посмотрим.

И мы пошли к двухэтажному зданию.

На полпути нас обогнал солдат с плоской коробкой. Он протопал по лестнице на второй этаж и скрылся за дверью. На двери я увидел надпись:

КЛАСС ОБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ.

Майор Агеев толкнул дверь, и мы вошли в большую комнату. Я остановился в удивлении. Мне показалось: я попал в научную лабораторию.

Здесь было тихо, окна занавешены плотными шторами, на столах горели лампы под колпаками. Тут же возвышались какие-то приборы, похожие на фотоувеличители. А за столами, склонившись над таблицами, сидели солдаты.

Один солдат внимательно рассматривал пленку, а другой что-то подсчитывал.

Через плечо солдата я взглянул на фотопленку — что там за снимки такие интересные, даже глаз отвести от них не может?

Но я ошибся. Никаких снимков на пленке не было. А по всей пленке, во всю ее длину тянулись линии — толстые и тонкие, прерывистые и сплошные, прямые и зигзагообразные. Они то сходились пучком, то снова разбегались веером. Настоящая головоломка!

— Опытному глазу, — сказал майор Агеев, — эта пленка, эти линии все о самолете расскажут. И на какой высоте он летел, и с какой скоростью, и какие перегрузки испытывал, и как двигатель у него работал, и когда бомбы он сбросил... Летит самолет, а на его борту непрерывно, не останавливаясь ни на секунду, работают особые хитрые приборы. Они-то и вычерчивают на пленке эти линии. Чего не заметит летчик — заметят приборы. Ничто — ни одна ошибка пилота, ни один сбой в работе двигателя — не ускользнет от внимания этих чутких приборов, все они увидят, все запишут. Приземлится самолет, вынет солдат-механик коробку с пленкой, принесет сюда, в класс объективного контроля, здесь ее быстро проявят — и вот вам, пожалуйста, весь полет как на ладони... Если все в порядке, можно самолету опять подниматься в воздух, если нет — займутся им инженеры...

Я с уважением посмотрел на солдат, которые по-прежнему сосредоточенно склонились над таблицами. И тут вдруг один солдат обернулся, и я глазам своим не поверил — это была девушка!

Окончание следует

A whimsical illustration of a winter scene. A central tree with a thick, textured trunk and bare branches is covered in snow. Several birds are perched on the branches or flying around. In the foreground, a red fox is walking on the left, and a grey rabbit is lying down on the right. The background is a soft, blue-toned sky with falling snowflakes.

Геннадий МОРОЗОВ

В СНЕЖНОМ ЛЕСУ

Бежала лисица
По следу зайчонка.
Неслышно бежала,
Снег нюхала тонко.
Бежал и зайчонок.
Да прыгнул... И — гоп!
С ушами зарылся
В огромный сугроб.
Лежит и не дышит —
Ледышка-ледышкой —
В овражном сугробе
Ушастый зайчишка.
А злая лисица
Затявкала громко,
Да носом на елку
Наткнулась в потемках.
Ей больно и грустно,
Обидно до слез.
Куда ей бежать?
Онемел ее нос.
А что же зайчонок?
Зайчонок зевнул.
Головку — на лапы...
И вскоре уснул.
И крепко он спал
На пуховом боку,
Но... чуткое ухо
Держал начеку!

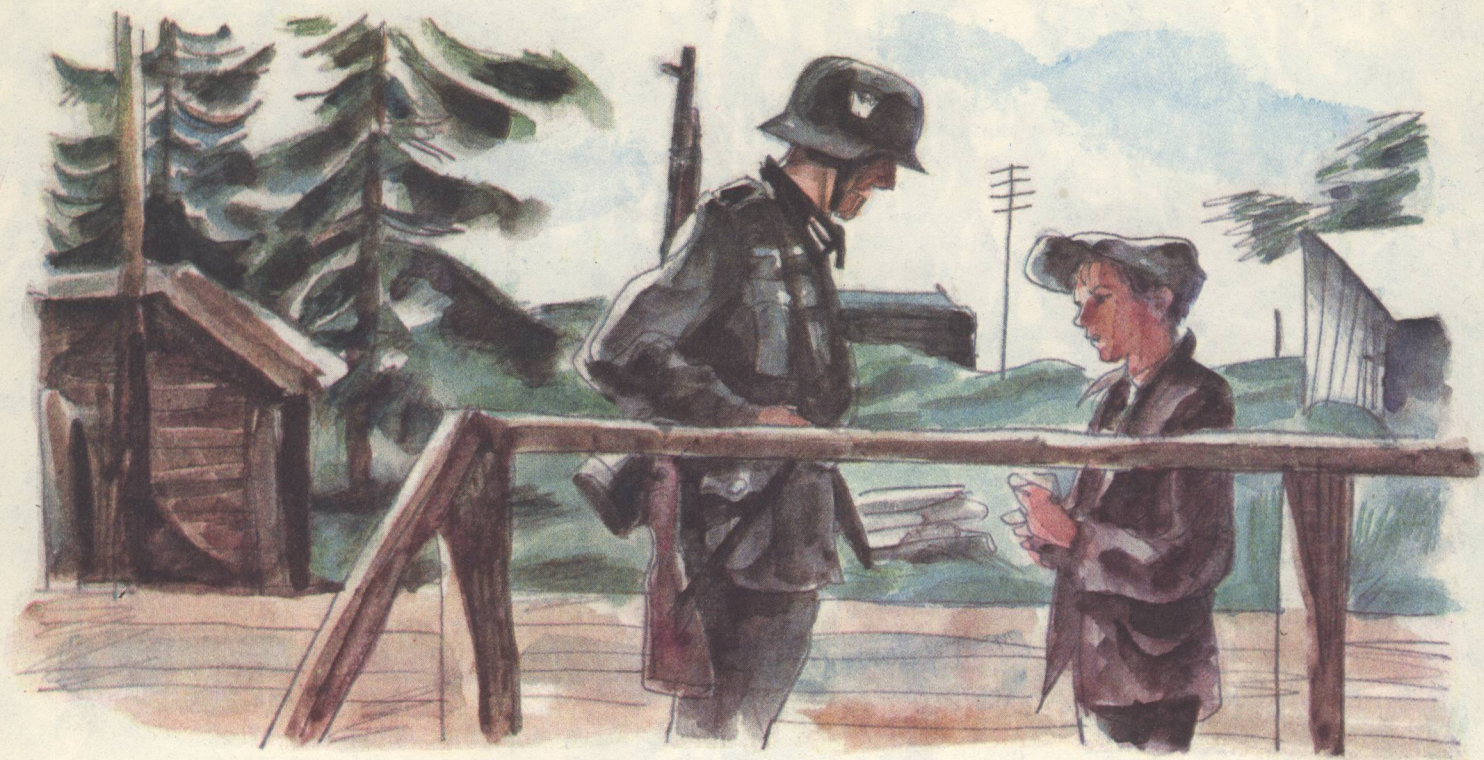
СНЕГ ЛЕТИТ...

Снег летит на землю густо,
Падает с ветвей.
И хрустит, как лист капустный,
Под ногой моей.
В темном ельнике зеленом,
В глубине аллей
Стали черные вороны
Чутьочку белей.
Угасает день недолгий,
А морозец — злей!
Колет колкою иголкой
Кончики ушей.
Вот синичьи смолкли песни,
Смолк ребячий смех...
Но все кружит, куролесит,
Вьется первый снег!..

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

А ты, мой сынок,
Погляди-ка в окошко —
В какую земля
Обрядилась одежку!
Какой у нее ослепительный мех!
Не видел еще?
Полюбуйся на снег!
Вон видишь, как ветер
Морозный и колкий
У сосен и елей
Топорщит иголки.
А ночью прикрыл он
Водицу пруда
Прохладной и лаковой
Корочкой льда.
И нас не забыл он, —
Как птицу живую,
На раму сажает
Снежинку резную!

Рисунок А. Януса

ОСТАЮСЬ В ЗАСЛОНЕ

И. БОЛОЗНЕВ, И. САБИЛО

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки Ю. ШАБАНОВА

ПРОБЕЛ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

— Бородулин — в штаб!.. — слышалось из землянки, и Шурик с замирающим сердцем переступил порог.

Однако в землянке Иван Георгиевич хоть и поругал его за то, что он покинул Новинку, но затем улыбнулся и крепко пожал ему руку.

— Ты делом доказал, что можешь быть партизаном. За смелость и мужество, проявленные в борьбе с врагом, а также за находчивость и зрелость военных действий объявляю тебе, Бородулин, благодарность. Автомат и парабеллум, которые ты отбил у фашиста, отныне принадлежат тебе.

Из-за стола поднялся Федор Иванович. Провел ладонью по голове и обратился к Шурику:

— То, что ты смелый человек, меня радует. Мы тут с товарищами посоветовались и решили, что ты можешь остаться в отряде.

— Спасибо, — прошептал Шурик.

— Отлично! А теперь давай вместе подумаем о фашистах. Садись к столу и будем разбираться в картах, которые ты принес.

Но вскоре всем стало ясно, что изучать эти документы они не могут — никто из партизан не знает немецкого языка.

Окончание. См. «Костер» № 1. 1979 г.

Нашлись «знатоки», которые напряженно вглядывались в бумаги, морщили лбы, для пущей важности шевелили губами, что-то бормотали, но в конце-концов сдавались, говоря:

— Ну и словечки! Язык можно сломать.

— Надо иметь голову, тогда и язык будет цел, — недовольно произнес Федор Иванович.

Его особенно заинтересовала бумага из конверта с сургучными печатями. Общими усилиями разобрали в ней названия станций: Чолово, Новинка, Слудицы, Вырица, но смысла все-таки не поняли.

Комиссар отряда Володченко высказал предположение, что в документах идет речь о ремонте и восстановлении железной дороги. Это было похоже на правду, и потому все встревожились, что не могут разобрать текста.

Шурик вдруг вспомнил, что немецкий язык хорошо знает директор школы. Но ее тоже нет в Новинке. Хорошо, если она в Тарасино, а если и там нет? И все же он сказал:

— Перевести может Мария Александровна Тахвонайнен. Но она вместе с дочерью ушла в Тесовщину. Говорила, что ненадолго остановится в Тарасино.

— Срочно в Тарасино! — приказал начальник штаба.

Небольшая группа партизан отправилась в Тарасино. Она благополучно прошла по лесам, и Шурик встретился с Марией Александровной. Достаточно было двадцати минут, чтобы готовый русский текст лежал у него в кармане. И только после этого у них состоялся короткий разговор.

— Отдай, Шурик, и немедленно возвращайся домой, слышишь? — сказала Мария Александровна. — Тебе рано еще, рано!..

— Нет, Мария Александровна, я должен быть там, с ними, — ответил Шурик, кивнув на дверь. — Большое спасибо вам за все, за все... До свидания...

В бумаге фельдъегеря сообщалось, что штаб по восстановлению участка железной дороги Батецкая — Вырица размещается на станции Чолово. Коменданту станции Вырица предписывалось узнать, что необходимо для восстановления станций Вырица, Слудицы и Новинка, а также восстановления железнодорожных путей на этих перегонах.

Когда вернулся командир отряда после операции в Косых Мостах, районный штаб партизанского движения собрался в полном составе. Было принято решение — не дать возможности немцам восстановить участок Витебской железной дороги, по которой фашисты могли доставлять свои войска к Ленинграду.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Командир торопил бойцов. Он рассчитывал провести наблюдение за станцией Чолово в бинокль, а ночью разведать противника поглубже. Но к станции партизаны вышли только перед заходом солнца.

Приказав отряду остановиться в лесу, командир с Фишером пробрались к северному семафору. Старый морской бинокль помог увидеть в густеющих сумерках множество фашистов, сновавших по перрону и привокзальной площади. Но сколько их там, где они ночуют, как вооружены, определить было невозможно.

Вернувшись к отряду, командир сообщил, что фашистов много, а потому нужна тщательная разведка.

Вместе с Залетовым в разведку пошел Стрельченко. К утру они должны были во что бы то ни стало вернуться в отряд, который углубился на полтора километра в лес и остановился в пустом сарае.

На разведчиков все возлагали большие надежды. Воины они бывалые, люди смелые и разведчики опытные. Залетов был даже награжден медалью «За отвагу». Стрельченко проникателен, хитер и в боевых делах искусен не меньше своего друга.

Бойцы, измученные тяжелым переходом, мгновенно уснули. Не спали только часовые... Рано утром они различили в тумане две фигуры, направляющиеся к сараю.

— Стой! Ни с места!

— Свои! — крикнул Залетов.

Это вернулись разведчики, не выполнив задания...

Чолово — станция небольшая. Типовой вокзал, построенный в прошлом веке, перрон, пакгауз. На привокзальной площади — высокие добротные дома. Вдоль железнодорожной линии — Вокзальная улица с домами поменьше и похуже. От площади отходит старое булыжное шоссе на Новгород. Оно на целый километр застроено домами — это и есть Чолово. В поселке около двухсот дворов, свыше тысячи жителей. На противоположной стороне вокзала — открытые склады лесоматериалов.

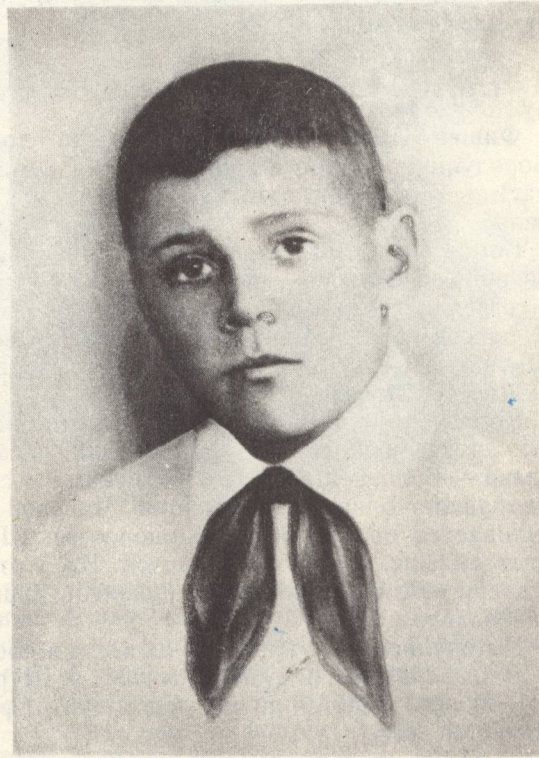
Шурик встал рядом с командиром. Прямо перед ним до вокзала тянется широкий луг. Когда-то здесь поселковые ребята сделали футбольное поле — ворота стоят и теперь. Все поле заросло травой, пожелтевшей и дикой... Из калитки крайнего домика вышла девочка с козой на веревке. Выбрала на лужайке место, где трава погуще, и привязала козу к колышку. Потом старушка вывела козу.

Шурик обратил внимание на женщину, которая шла по шпалам с белой корзиной в руке.

«Неужели пропустит?» — подумал Шурик, следя, как женщина подходила к часовому. Тот остановил ее, проверил корзину и махнул рукой — проходи.

Шурик закусил губу и взглянул на командира. Но Иван Георгиевич не отрывался от бинокля. Казалось, и смотрит он не на станцию, а куда-то выше, в небо.

На посту наблюдения их сменили Фишер и Кузнецов. Командир и Шурик отошли к отряду. Снова начались разговоры о том, как

Саша Бородулин

лучше всего ночью провести разведку и как установить, сколько тут фашистов и где они ночуют?

Первое предложение внес Шурик.

— Иван Георгиевич, — сказал он, — разрешите, я пойду?

Командир медленно повернулся к нему:

— Один?

— Один.

— Потерпи до вечера, авось кто-нибудь из бойцов возьмет за компанию.

— Нет, — тихо, но твердо сказал Шурик. — Ни вечером, ни ночью, а сейчас. И ни с кем-нибудь, а один.

Командир с любопытством посмотрел на юного партизана.

Шурика ободрил этот взгляд.

— Видели, как утром по шпалам шла женщина в Чолово? Мимо часовой прошла? Пройшла!.. А пацан если пойдет, к примеру, такой, как я? Пройдет? Пройдет! Значит, и я пройду. Двину в Черемно хлеба искать. Что увижу — примечу и запомню. Если понадобится, то к Витьке Чиброву зайду. Мы с ним прошлый год на лыжных соревнованиях подружились. Если не уехал, то обязательно поможет. Мировой парень!..

У командира даже в висках закололо от этого плана. В самом деле, мальчишка, пацан, мало ли зачем шляется по станции... Но это было опасно. Хорошо, если пропустят. А если схватят? Станут мучить, пытаться...

«А если бы на месте этого мальчика был другой, мой старший сын Витя? Отправил бы я его туда или нет? — подумал он. И тут же сам себе ответил. — Да. Потому что это единственный выход!»

— Хорошо.

— Скоро вернусь, — просто сказал Шурик, будто уходил к приятелю в гости.

Фишер проводил разведчика до дороги. Бородулин поднялся на железнодорожную насыпь и спокойно зашагал по шпалам к вокзалу.

Командир наблюдал за ним в бинокль. Вот он прошел семафор, идет по путям от стрелки к стрелке, вот вышел на перрон, подходит к часовому... Медленно и страшно тянутся секунды. Почему он так долго стоит у часового? Показался подозрительным?..

Командир привстал, и вместе с ним привстали другие бойцы. От напряжения слезятся глаза — Болознев вытирает их руками и снова направляет бинокль на станцию. Часовой прогуливается по перрону в одиночестве. Шурик идет дальше. Снова остановился. На этот раз у двери вокзала. Потоптался недолго и скрылся за вокзалом.

Потянулись минуты, часы ожидания. Бойцы и разговаривали и думали только о Шурике: как он там? Удастся ли ему перехитрить врага? Вернется ли?..

— Пусть только тронут, — сказал Зарипов. — Я из своего «максимки» весь их вокзал в щепки разнесу!

Командир оглянулся. Невдалеке от него лежали партизаны, двадцать пять человек вместе с ним, с командиром. И не было среди них только одного, двадцать шестого. Теперь он был там, в гуще врагов...

Выйдя на линию, Шурик попробовал идти по рельсу. Но соскальзывала то левая, то правая нога, и он оказывался на шпалах. Подводили нервы.

И взгляд был устремлен не под ноги, а туда, вперед, где уже недалеко от вокзала маячил часовой с автоматом на груди.

«Тренироваться надо, тогда получится... Тренироваться», — твердил он себе, уже не помня, для чего нужно тренироваться.

Часовой быстро приближался, хотя он, Шурик, двигался очень медленно. Чувство самосохранения заставляло его не торопиться, часто останавливаться, поднимать с земли какие-то камешки, спичечные коробки, пустые консервные банки, приглядываться к ним, крутить в руках, даже нюхать, а затем с полнейшим безразличием швырять в сторону, подалее от железной дороги.

«С часовым надо поздороваться по-немецки, ему понравится... Предложить советских денег и попросить хлеба... Не рваться напролом к вокзалу, а сделать вид, что забрел сюда случайно, что даже и в мыслях не держал, а само получилось...»

— Гутен морген, герр зольдат!

Часовой вздрогнул, обернулся. Взгляд мрачный, испуганный.

— О, гутен морген! — сказал наконец. Разошлись, раздвинулись тонкие потрескавшиеся губы. С чего бы они потрескались, может, какого витамина не хватает?..

Шурик сунул руку в карман и вытащил кучу измятых рублей и трешек. Показал часовому: — Хлеба...

Понял, покрутил головой и махнул рукой в сторону вокзала — пропускает, значит.

Шурик поблагодарил часового и пошел дальше. Вот и вокзал. Низкорослый, наголо стриженный фельдфебель чистит ботинки — блеск наводит. А лицо серьезное, будто решает трудную задачу.

— Гутен морген...

— Шнель! Шнель!..

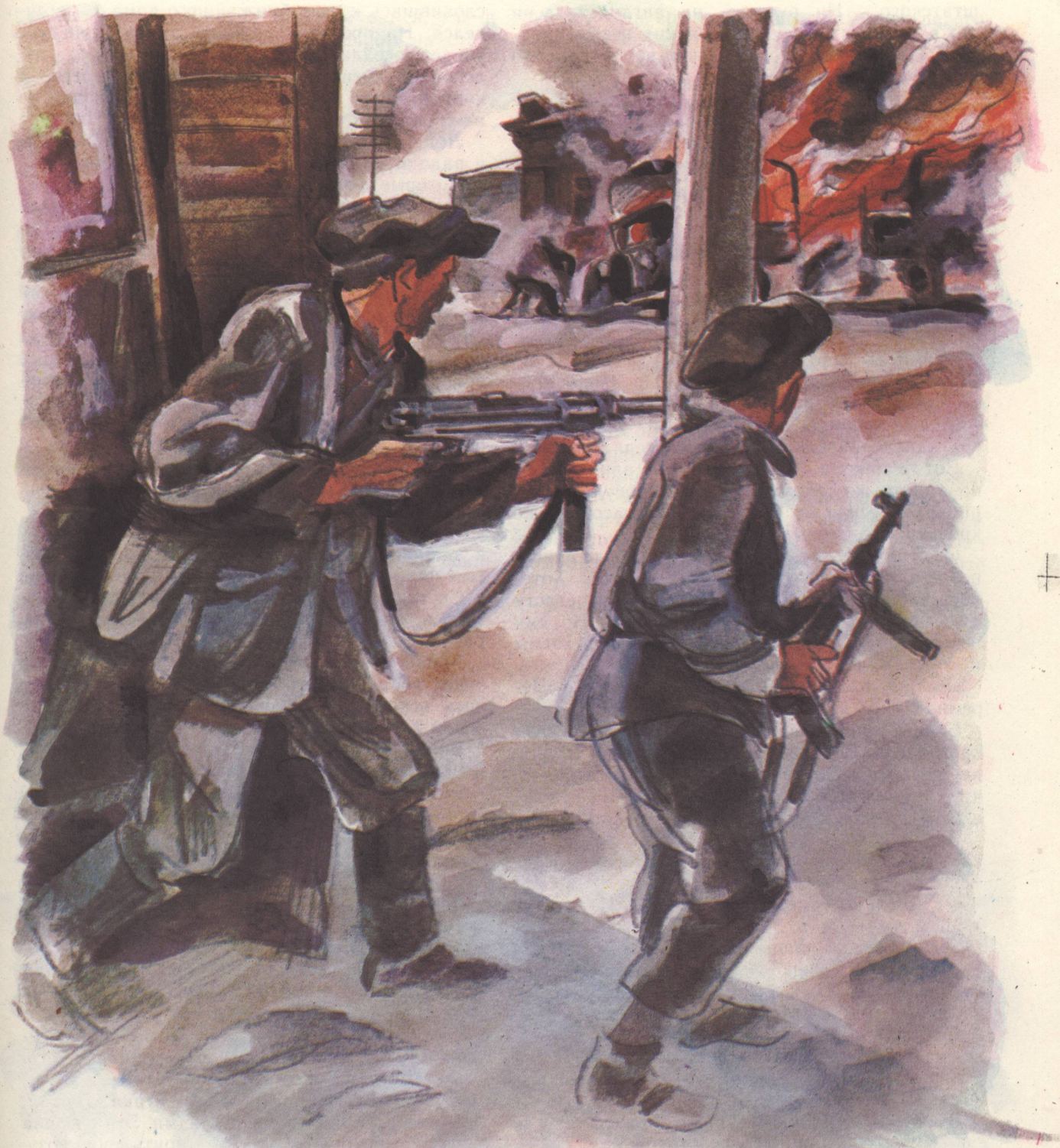
Недоволен фельдфебель, прогоняет. А куда он рукой показал? В обход?

Бородулину сюда и надо. Мигом обогнул вокзал. Заодно в низкие окна заглянул... Кровати немецкие стоят, аккуратно застеленные, и белые полотенца треугольничком на спинках... Много кроватей — шесть, двенадцать, восемнадцать... А тут, в зале ожидания, столы накрыты для завтрака — много столов...

Он быстро обошел здание вокруг и неожиданно встретился с немецким офицером. Тот весело разговаривал с каким-то штатским и держал его под руку.

«Прогулка перед завтраком?..»

— Откуда, парень? — на чистом русском языке спросил штатский.

— Оттуда, из Новинки, — махнул рукой Шурик.

— Куда?

— В Черемно.

— Зачем?

— Хлеба ищу.

— Не маленький, пора уж и лапу сосать, — захохотал штатский. И тут же перевел свой «юмор» офицеру — тот аж заревел от восторга.

Шурик понял: у этих двоих прекрасное настроение. А раз они смеются, то и ты не должен кукситься, и ты смейся... Вот, и плечами подергай. А теперь хватит, пора и меру знать...

— Эй, погоди-ка, — остановил его штатский. — Ответь нам на вопрос: каких ты русских чертей знаешь?

— Нету чертей-то, — сказал Шурик, не понимая, что еще за идея стукнула в голову

штатского. — Ни русских, ни английских, ни даже немецких. То есть, никаких нету...

— Не будь дураком. Неужто не слышал, что в лесу есть черти, как их, ну?..

— А, эти! — обрадовался Шурик. — В лесу — леший! В доме — домовый. А в реке — водяной, на крысу похожий, и усы торчат в разные стороны... Еще болотный есть — бес который.

— И все?

— Все, пожалуй... А еще самый главный черт, небесный. Сатаной прозывается. Теперь, кажись, все.

Штатский перевел офицеру и, отсмеявшись, они пошли дальше, оставив Шурика наконец одного.

«Сами вы черти вокзальные», — ругнул их Шурик и направился к старой школе. Напоследок оглядел привокзальную площадь: две грузовые машины под брезентом, у забора — три кавалерийских лошади под седлами.

Вот и школа. Тоже немцами занята — не пропадать же такому дому. На просушку матрацы развесили — с чего бы?.. В классах тоже кровати... Много кроватей!..

От страха и усталости быстро намочила спина, пот струится по груди и между лопаток. Хотелось забиться куда-нибудь в угол и перевести дух, спрятаться, дожидаться темноты. Но ему нельзя останавливаться, его ждут партизаны и он должен вернуться!..

Обойдя поселок, двинулся к деревне Черемно...

Бойцы, наблюдавшие за станцией, глаза проглядели. Все ждали, не появится ли Шурик на перроне? Никто из них не догадывался, что командир приказал Шурику ни в коем случае не возвращаться прежним путем.

Все ахнули, когда Шурик неожиданно появился с другой стороны — со стороны Кремено.

— Вот и я! — весело сказал он. И тут же залпом выпалил то, что приготовился сказать дорогой: немцы расположились только в районе вокзала и в школе. Нападать нужно сейчас же, немедленно, потому что враг абсолютно беспечен, уверен в своей безопасности. Разбиться нужно на две группы — одна ударит по вокзалу, другая — по школе...

— Не торопись, милый, — остановил его командир. — Расскажи по порядку!

Выслушав Шурика, Фишер подвел итоги:

— Выходит, немцы сосредоточены в вокзале и в старой школе, вблизи от вокзала. Если Бородулин насчитал почти сорок по вокзалу, то следует примерно столько же прибавить по школе. Значит, дело будем иметь с фашистами, которых не менее семи десятков...

БОЙ

Бой начался!..

Командир отряда видел, как бойцы его группы охватывали вокзал полукругом. При-

слонившись к углу ближайшего дома, он огляделся. На противоположной стороне площади увидел оседланных лошадей. Несколько гитлеровцев спешат к ним — один уже отвязал коня и занес ногу в стремя. Болознев дал по нему очередь.

Лошади взбрыкивают, поднимаются на дыбы и падают одна за другой. Падают и фашисты. Некоторые скрываются за вокзалом.

В это время из дверей вокзала выскочили четыре гитлеровца. Рванули по площади. Командир понял — к машинам. Скомандовал:

— Бронебойными!

Светличный, Козлов и Карпов перевели огонь на машины. Загорелась одна и тут же другая. Фашисты заметались, не зная, куда бежать. Некоторые, упав на землю, пытались ползком проникнуть в дверь вокзала. Но партизанские пули настигли их у самого крыльца.

Командир сменил второй магазин. Оглядел бойцов — стрельба не затихает. Серебров и Бородулин подползают ближе к вокзалу. Остается не более десяти метров — это уже опасно.

— Коля! Шурик! Гранаты в окна!

Через несколько секунд гранаты рвутся в здании. Вслед за Бородулиным и Серебровым швырнули свои гранаты Козлов, Карпов и Светличный. На мгновение командиру показалось, что от мощных взрывов разошлись, раздвинулись кирпичные стены вокзала.

Бойцы левого крыла обошли здание вокзала через площадь. Серебров и Родионов попытались вскочить в дверь, но она уже занялась огнем от стоявших поблизости машин.

Бойцы правого крыла выходили на перрон. Фашисты из здания вокзала бросились через станционные пути на другую сторону железной дороги. Они торопились укрыться в штабелях дров и бревен. Но тут во всю мощь заработал «максим».

Вокзал уже всюду пылал, выстрелы затихли.

Через минуту стихла стрельба и у Фишера. Его группа перебила фашистов в школе и стала подтягиваться к вокзалу. Идти дальше в поселок не было смысла. Помощь гитлеровцам из Милодежи по Новгородскому шоссе не спешила.

Подобрав трофейное оружие, бойцы бросились на поиски Шурика и вскоре нашли его. Он лежал с закрытыми глазами в том же месте, откуда началась партизанская атака. Лежал, перевязанный цветными тряпками. Это сделала женщина, которая приходила доить свою козу. Увидев Шурика раненым, она разорвала свое платье и перевязала его.

Перевязала неумело, наспех, но хорошо — даже кровь не сочится.

Партизаны не стали менять повязки — только послушали сердце — жив!.. Сделали из плащпалатки носилки, бережно уложили Шурика, и шесть человек — одни несли, другие охраняли — направились по прямой просеке в Чашу. Остальные пошли на Кремено.

Командир отряда отправил еще двух бойцов — одного к матери Шурика сообщить о

ранении сына и посоветоваться с ней, где и как лечить, другого за фельдшером на станцию Чаша.

ОСТАЮСЬ В ЗАСЛОНЕ

Жарким июльским днем сорок второго года юные бойцы партизанского отряда, оправившийся после ранения Бородулин и Мурашов, быстро шли по лесу в дальний дозор. Им предстояло сменить Серебров и Григорьева. Миновали последнюю квартальную просеку и подошли к широкой вырубке.

— Смотри сколько ягод! — восхитился Мурашов.

Навстречу им из кустов вышли Серебров и Григорьев. У обоих пальцы и губы черные от ягод.

— Ну, как тут? Все тихо?

— Тихо, только рядом кукушка-рекордсменка покою не дает, — сказал Николай. — Кукует без передышки. Мы с Петькой задумали, сколько лет проживем, так она ему нагадала сто три года, а мне — сто восемь.

— Молодец кукушка, раз правду предсказывает, — сказал Мурашов и засмеялся.

Серебров и Григорьев ушли. Бородулин и Мурашов легли в куст и стали следить за вы-

рубкой. Они срывали ягоды, тихонько переговаривались и слушали, как невдалеке одиноко и уныло куковала кукушка.

Саша с детства любил этот крик птицы, всегда одинаковый, вечный. Казалось, что кукует везде одна и та же птица — и в Карелии, и в Крестцах, и в Новинке. Один ли он бывал в лесу или с друзьями, сестрами, — кукушка чисто и печально напоминала о своей одинокой жизни.

— А ведь прав был Серебров — настоящая рекордсменка, — сказал Саша. — Я только что семьдесят четыре раза насчитал...

Тут он умолк и пригнулся. То же сделал и Мурашов. Они увидели, как в самом конце вырубки показались фашисты. Сначала трое, потом еще трое и, наконец, вышли остальные — человек пятьдесят.

— Каратели! — прошептал Мурашов. — Мигом на базу, я за ними послезу и, если надо, открою огонь.

Саша бросился через лес и доложил командиру, что на вырубке появились фашисты.

— Вероятно, это отряд карателей из команды оредержского коменданта Брунса, — сказал командир. — Надо встретить! Продолжайте следить, а я тем временем разверну отряд. Серебров, с Бородулиным! — крикнул он показавшемуся невдалеке Николаю.

Бородулин с другом возвратился в дозор. Немцы уже были недалеко от того места, где лежал Мурашов. «Нужно задержать их», — проговорил Шурик. Друзья согласились. Дав по короткой очереди, они тут же отползли назад. Снова три коротких очереди и снова перебежка. Меняя позиции, трое дозорных прижимали врагов к земле, давая возможность отряду подготовиться к обороне.

— Все, можно возвращаться к отряду, — наконец проговорил Бородулин.

— Подожди... Видишь, за деревом прячется офицер? Сейчас я ему вмажу!..

Николай нажал на гашетку, но тут же снайперская пуля фашиста попала ему в висок.

— Коля! — вскрикнул Бородулин.

— В отряд! — скомандовал Мурашов и, толкнув Бородулина, побежал, пригибаясь, к кустам. Вслед за ним короткими перебежками отступал и Бородулин. Изредка останавливался, давал очередь по фашистам и бежал дальше...

Перестрелка длилась три часа. Начала спадать дневная жара. Командиру стало казаться, что бой выигран — фашисты вот-вот отойдут. Но в то время, когда он уже хотел дать приказ «В атаку!», дальние дозоры справа и слева доложили, что на дороге с машин высаживаются солдаты.

— Сколько? — спросил командир.

— На пяти машинах, — доложил первый дозорный.

— А на моем участке — шесть, — доложил второй, и командир понял, что отряд попал в ловушку.

— Николай Николаевич, — сказал он своему заместителю. — Теперь один выход — уводить отряд назад, на северо-восток, в Тосненские леса и болота. И уводить скорее, чтобы оторваться от врага.

— Нужен заслон, — крикнул Федор Иванович. — Иначе отряд погибнет.

Бородулин стоял рядом и слышал, о чем говорят командиры. И понял, что через несколько минут фашисты окружат их.

— Иван Иванович, я остаюсь в заслоне, — тихо проговорил Бородулин.

— И я, — сказал Мурашов.

— Нет, — мотнул головой командир. — Вы представляете, на что идете?

— Мы просим оставить нас в заслоне, — снова сказал Бородулин. — Мы их задержим, а потом догоним вас.

— И меня оставьте, — сделал шаг вперед комиссар Важнов.

— И я тоже остаюсь, — проговорил Козлов.

— И я... — Вперед выступили еще двое.

— Хватит!.. — крикнул командир отряда.

За деревьями уже мелькали каски карателей.

Добровольцы сменили лежавших в передней цепи партизан. Бородулин оказался почти в самой середине, укрывшись за толстым стволом упавшей осины. Над ним поднимался двухметровый, расщепленный почти до основания пень.

Справа начал стрелять Мурашов. Слева молчал Козлов. Они договорились стрелять по очереди, чтобы экономить патроны. Главное — прижимать врага к земле, выигрывать время...

Но вот автомат Мурашова умолк. И тут же прямо перед Бородулиным поднялся гитлеровский офицер, махнул рукой своим солдатам и первый побежал на партизан.

Бородулин прицелился в офицера и дал короткую очередь. Справа и слева раздались выстрелы товарищей; офицер словно бы споткнулся и рухнул на всем ходу — так падают убитые.

«Это тебе за Сереброва!» — выкрикнул Шурик. Еще несколько фашистов упало. Остальные залегли.

«Надо ждать и ждать. Пусть стреляют. Чем дольше они стреляют, тем дальше уходит отряд».

Стрельба прекратилась.

«Как тихо... И кукушка улетела... Птицы шума не любят...»

Гитлеровцы зашевелились. Теперь они уже ползут, скрываясь в высокой траве. Бородулин не видит среди них того офицера, что шел прямо на него. Зато на левом фланге — другой, это он ведет своих солдат.

«Ага, значит, плохи ваши делишки, коль солдаты сами не ходят в атаку. Навоевались! Без тягловой силы уже не обойтись? Погодите, то-то еще будет!..»

Мурашов и Бородулин открыли стрельбу одновременно. Бьют короткими очередями. Слева разорвались две гранаты — это Козлов бросил их в наступающих фашистов.

Бородулин вставил последний магазин. Сзади послышался шорох.

— У меня кончились патроны и гранаты, — прошептал Козлов.

— Уходи, — сказал Бородулин.

— Я твоими гранатами помогу!

— Уходи, я сам! — скомандовал Бородулин. — Догоняй отряд, я прикрою.

Бородулин — не старший группы. Но сказал это так твердо, что Козлов подчинился. Он пополз назад, а затем встал и побежал, незамеченный гитлеровцами.

В это время послышались выстрелы справа и слева. Фашисты уже поднялись во весь рост. Мурашов дал длинную очередь и замолчал.

Нажимая на курок, Бородулин непрерывно строчил по бегущим фашистам...

Когда кончились патроны, он встал и в последний раз метнул одну за другой две гранаты...

Александр
ГОСТОМЫСЛОВ

Льды. КОРАБЛИ. ГОРОД

Рисунок А. Орлова

Перегретые дальней дорогой моторы приглушены, и гидросамолет стал снижаться. Зажурчала под поплавками прозрачная вода.

Сибирская река Таз.

Маленькая группа ленинградцев выгрузила палатки, консервы, лопаты. Скатывая вниз куски сухой глины, парни полезли на обрывистый берег. Среди северного редколесья, моря карликовых берез, одиноких елей и лиственниц — небольшим островком настоящая березовая роща. Раздвигая густую, по пояс траву, пошли по берегу, с удивлением рассматривая этот уголок заполярной земли. Где-то здесь, под ногами, остатки самого старого из заполярных городов — легендарной Мангазеи.

Остаток дня руководитель экспедиции профессор Белов дал на устройство лагеря, а сам побродил в окрестностях. На берегу реки сел на поросший сухим мхом теплый валун. Его страсть, его любовь — таинственная, загадочная Мангазея была теперь тут, под ногами, рядом!

Трудно представить себе, как жили люди за несколько веков до нас. Сколько бы ни узнавал о них, эти знания книжные. Но стоит приехать на то место, где эти люди жили, подышать тем же воздухом, увидеть то, что они видели, потрогать своими руками хотя бы этот же валун, который они притащили, чтобы поставить новый дом, и через некоторое время приходит озарение. Все, что ты знаешь о них, вдруг оживает. И вот они — мангазейцы, кряжистые, бородатые, совсем рядом, разговаривают, смеются... Ты их видишь! Слышишь их.

Златокипящая Мангазея!

На рубеже XVI и XVII веков молодое русское государство воевало, отражало полчища, подступившие к Москве, голодало, бунтовало и в то же время крепло, ширилось, присоединяло и осваивало новые земли.

На восток, в Сибирь, «встречь солнцу» двигались отряды русских землепроходцев и полярных мореходов. Тобольские воеводы всемерно стремились укрепить и расширить небольшой Мангазейский острог.

«Во 115 году (1607 году по новому летосчислению) зарублен город Мангазея на Тазу-реке, а зарубил тот город Давыд Жеребцов» — записано в древней летописи.

Весной взапуски застучали топоры, и к осени город был построен.

Бесстрашные и опытные поморы издревле проложили морской ход в эти дикие места. Это был первый путь, который связал русское поморье по Печерскому и Карскому морям через волоки Ямальского полуострова с реками Обь, Таз, Енисей.

Царь «пожаловал» поморов вольным торгом и промыслом.

Мангазея стала форпостом России в северной Сибири, из нее началось продвижение «встречь солнцу», она стала руководить освоением огромного края. Прибежище крестьянской вольницы, организатор удачных походов в неведомые тогда земли, богатые пушным зверем, овеванный славой, заброшенный в тундру город, один из важнейших опорных пунктов древнерусского полярного мореплавания, — вот что такое древняя Мангазея.

Но со временем падал соболинный промысел на берегах Таза, несколько лет подряд северные штормовые ветра не позволяли привезти хлеб. Кочи, груженые мукой, топливо, разбивало, выбрасывало на берег. В городе начался голод — ели кору деревьев. Грандиозный пожар уничтожил почти все строения. Восстанавливать Мангазею было некому.

Воевода Жеребцов построил не только Мангазею. На реке Турухан в 1607 году он создал зимовье, с которого начались казачьи и промышленные походы на далекий Таймыр и берега «славной и великой реки Лены». В Туруханское зимовье с последними жителями переехал и мангазейский воевода.

Так погибла Мангазея...

Догорал первый костер в лагере археологов. Угомонились его обитатели, это были

Окончание. См. «Костёр» № 1, 1979 г.

в основном археологи, географы и студенты-архитекторы, те, кто мог чертить, зарисовать раскопанное.

Быстро пролетела короткая белая ночь. Работу начали с осмотра местности. Из построек ничего не сохранилось. Лишь кое-где под корнями берез, под толстым дерном можно было заметить остатки срубов. Плана города не существовало. Где здесь улицы, дома, защитные стены? Город молчал.

Начались раскопки.

Белов знал, что Мангазея встретит его молчанием и заранее думал, как заставить ее заговорить. Помогли доку-

положим, спрашивают Су-коньку Васильева:

— Где был, что делал?

— Дома, готовил ести.

И тут же в докладе называется расстояние от дома Су-коньки до места убийства: столько-то шагов. Значит, найдя таможду, около которой произошло убийство (эта постройка должна быть приметной), стоит отмерить расстояние и можно найти дом, хозяин которого нам уже известен.

Спрашивают соседа Су-коньки. Тот отвечает:

— Был на заутрене.

И снова называется расстояние. Можно искать церковь.

Много людей перечислено в этом документе. Будто сделана фотография города.

Еще документ. Был такой казус в истории Мангазеи: двое воевод рассорились и начали воевать. По-настоящему, с осадой, с ружейной и пушечной стрельбой. В то время, ввиду многочисленности и сложности дел, воевод назначали сразу двоих с равными правами. И вот, в разгар войны, воевода Палицын, стремясь призвать к ответу своего противника воеводу Кокарева, написал царю кляузу. В Москве, в архиве древних актов, сохранились три тысячи столбцов ее текста. Талантливый был кляузник Андрей Палицын. Это он придумал городу титул «златокипящая Мангазея». Старательно и подробно писал Палицын. Например: «Стреляли по моему дому и убили человека, который стоял на втором этаже. А до дома моего будет сорок сажень». Пушки (это известно) стояли на крепостной стене у Спасской башни. Значит, где-то поблизости надо искать остатки двухэтажного дома, и это будет воеводский дом.

Так же по документам были определены расстояния до гостиного двора, до таможи (и в нее стреляли из орудий).

Убийство, происшедшее сотней лет назад, и схватка двух воевод могли помочь разобраться, где стояло какое строение и кто был его хозяином.

Но этот план, составленный

Беловым еще в Ленинграде, должны были подтвердить или опровергнуть раскопки. Последнее слово принадлежало самому городу, его постройкам.

Раскопки Мангазеи начались с определения места башен и стен, защитных сооружений. Высокий двенадцатиметровый берег служил хорошей защитой городу, а у самого обрыва удалось обнаружить ряд вертикально забранных столбов — стену, городскую ограду. С бревен были взяты спилы для дендрологического анализа. Он показал: первоначальный острог в Мангазее построен в 1601 году, а его городские стены и башни в 1607 году. Долго искали пушки-пищали. Из архивных источников было точно известно, что на башнях стояли орудия — затинные пищали. Но ни орудий, ни ядер обнаружить не удалось. Теперь стало очевидным, что их сняли и увезли на Енисей, в Новую Мангазею, которая была построена на месте Туруханского острога Давыда Жеребцова.

Раскопки заполярного города потребовали от участников экспедиции особой сноровки. Археология не имела опыта ведения работ в условиях вечной мерзлоты. В самом начале попробовали развести большой костер, чтобы оттаял грунт. Но Белов посмотрел на результаты и такой способ запретил: сгорел «культурный» слой, тот самый верхний слой почвы, в котором только и могут быть сделаны находки. Тогда к обычным орудиям археологов — лопате, ножу и кисточке — прибавился еще и тяжелый лом.

Многолетний мерзлый грунт сохранил срубы и фундаменты двух-трех строительных горизонтов: видимо, пожары, возникавшие в деревянном городе, трижды заставляли Мангазею строиться заново.

Как же стояли дома на вечной мерзлоте? Разбирая фундаменты, Белов дивился мудрой их простоте: оказалось, что фундаменты домов укреплялись на замороженной строительной щепе, чтобы грунтовая вода не проходила в

М. Белов

менты, немногочисленные свидетели бурной жизни на берегах Таза и Мангазейки. Почти 400 лет пролежали они в архивах. Они и подсказали, как можно заранее составить план города.

Рассказ Михаила Ивановича о том, как он сперва чертил план, а потом определял назначение и принадлежность каждого из раскопанных домов, слушаешь как увлекательный детектив.

В рождественскую ночь 1629 года в Мангазее около дома таможенного головы случилось убийство. Воевода приказал расследовать дело. Представлен был доклад. Опросили всех, кто оказался в тот час поблизости. Записали, кто где был и что делал. Вот, пред-

подвалы зданий и не разрушала их.

Долго Белов искал самое главное здание раскопок — воеводский двор. Наконец в северной половине раскопок был обнаружен массивный фундамент. В нижнем этаже одни конюшни, значит, здание было двухэтажным, а может, и трехэтажным.

День за днем мерзлая земля, уступая ломам и лопатам, рассказывала о прежних жителях. Вот под лопатой заблестела золотая монета, рядом тусклые чешуйки серебряных денег. «В доме бедного человека они бы не завалялись», — подумал Белов.

столярные и плотничьи. В деревянном доме всегда что-нибудь строилось, перестраивалось.

Лом глухо звякнул обо что-то тяжелое — мощный «пудовый» замок, а неподалеку и хитроумный ключ к нему. Боялся хозяин за свое добро, крепко запирали двери амбаров.

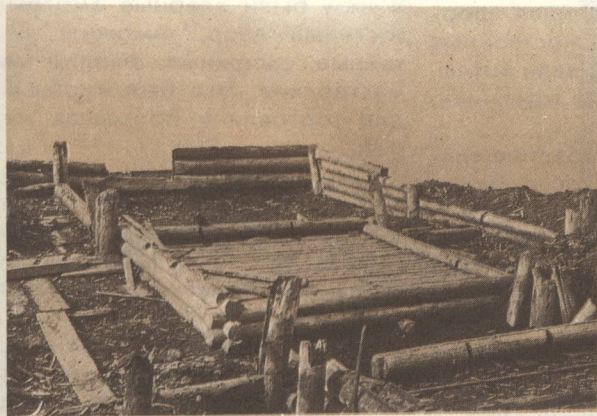
«Все это, — решил Белов, — не могло быть в доме простого служилого человека».

Сомнений больше не было. Когда Белов ехал в Мангазею, он мечтал найти остатки большого гостиного двора и таможни.

Через гостиный двор и та-

жилые застройки последних лет существования города. Второй строительный горизонт — более ранние постройки. Вновь лом и лопата врезаются в землю. И вот на полтора метра глубине в смерзшейся глине обнаружены нижние венцы и полы каких-то больших построек.

Еще и еще вчитывается Белов в привезенные с собой копии старинных документов. Сомнений нет! Именно здесь стоял гостиный двор. Но от чего он тогда погиб? Следов пожара на дереве нет. И вдруг историк обращает внимание на обилие щепы и разбитых бревен. Вот она причина! Во

На глубине полуметра лежали сильно разрушившиеся венцы срубов

Вот под ногами осколки фаянсовой посуды. Чаша из стекла, такого тонкого, что, кажется, дотронься и рассыпется.

Вот шахматные фигурки из кости. Нет, это не клык моржа — это бивень мамонта. И тогда он был редкостью. А обрабатывал кость кто-то из местных мастеров.

Кожаная обувь — практичная и массивная. Широкие, подбитые шкурой промышловые лыжи. Из этого дома ходили в тайгу за мягкой рухлядью — мехами, и сам хозяин позволял себе иногда размяться. Были у него и ходовые длинные лыжи, на них отправлялись по делам, когда замела пурга город по крыши.

Вот медная посуда, большой котел. Вот инструменты —

можно проходила вся торговля в городе и уезде. Значит, гостиный двор должен был стоять на берегу реки, чтобы удобнее было принимать товары с кочей. Но река год за годом наступала на городище, высокий берег рушился, уже значительной части построек не существовало. Неужели гостиный двор и таможня погибли?

Раскоп на берегу достиг уже размеров 70X20 метров. Такую площадку раскопать в мерзлом грунте маленькому отряду археологов было очень трудно. Но, отправляясь в очередной сезон (раскопки длились четыре года подряд), Белов решил на его углубление и расширение.

На берегу реки сняли первый строительный горизонт —

Так житель Мангазеи изобразил поморский коч

время артиллерийской дуэли повздоривших воевод в 1631 году железные ядра в течение почти целого года с близкого расстояния с грохотом летели в деревянные постройки и почти полностью их разрушили.

— Посмотрите, Михаил Иванович, — зовут Белова, — что бы это могло быть?

Из мерзлой глины, виртуозно работая ножами, извлекают металлические части какого-то механизма.

— Да это же часы! — изумляется Белов. — И большие, башенные.

Нет, пожалуй, не от щедрот своих отвалили купцы денег на дорогие часы. Жила Мангазея не вразвалочку, а строго по времени, берегла не только товары, но и минуты.

А вот на ладошке несут другую находку. Промытая в воде, она начинает блестеть. Передают из рук в руки массивный золотой мужской перстень с аквамаринном.

— Иноземной работы, из-за границы прибыл...

Рядом ложится иностранная печатка для метки товаров. Сюда даже с далекого Востока и Запада шли товары.

С размахом торговала Мангазея!

В центре посада — окруженная плотной стеной молодого березняка возвышенность. Она невольно привлекала внимание Белова. На холме чаще всего сооружалась церковь или сторожевая башня.

Михаил Иванович забрался на холм. Здесь лежал открытый сруб, развернутый с юга на север. Под ногами пружинили цепко переплетенные корни берез. Под ними просматривались упавшие бревна.

Когда прорубили корни, сняли дерн и растащили верхние бревна, то увидели развал огромных камней-валунов. Ни один из них не стронуть с места — валуны наглухо преградили дальнейший путь. «Придется бросить раскоп...»

Но вот в грудке выброшенных с холма камней был замечен осколок почерневшей от огня глины.

— Что это? — спросили студенты у Белова.

Голос профессора изменился:

— Всех, всех соберите сюда!

Он поднял над головой кусочек глины.

— Это тигель, — радостно сказал он, — кусочек огнеупорной формы, в которую заливали металл! И не просто металл; а медно-никелевые сплавы. Этого в России в 17 веке почти нигде не было.

О том, что в Мангазее было литейное производство, не сохранилось никаких сведений. Вообще же было известно, что в городах Сибири XVI века, например в Якутском остроге, умели перерабатывать железную руду. Как велась эта переработка, было неизвестно,

а ведь металлургическое производство с использованием местной руды и литье требуют основательной специальной подготовки, огромных усилий и времени.

И наконец, вот она — древняя русская литейная печь! С каменным огнищем — стоит себе на деревянном полу. Рядом глиняные горшочки со следами литья — тигли. Вокруг много деревянных колод с большими сверленными в два ряда отверстиями. Назначение этих колод определить не удалось, вероятно, это были части воздухоудного устройства. Тут же находились ящики с песком ярко-белого цвета (литейщикам простой песок не подходит), литейная формочка для художественных деталей. Здесь отливали котлы, медные кубки, подсвечники, оловянные вещи...

Произведенный позднее анализ руды дал сенсационный результат. Анализ проводил институт геологии Арктики в Ленинграде под руководством первооткрывателя норильских руд Н. Н. Урванцева. Район современного Норильска входил в состав Мангазейского уезда, как и вообще весь гигантский Таймырский полуостров. Так вот — сырье для мангазейских литеек привозилось не с Урала, как можно было предположить, а из района будущего Норильска!

После находки литейных печей, Белова ждало новое открытие.

Как это ни удивительно, никто из наших современников точно не знал, как выглядели древнерусские суда — кочи. Строили их без чертежей, размеры и план держали в голове. И нигде не сохранилось ни одного рисунка. Перестали их строить, и постепенно люди забыли, как они выглядят.

Михаил Иванович давно пытался найти старинный рисунок коча, но безуспешно.

И вот в то утро в раскопе дома воеводы один из помощников Белова нашел сосновую доску. Обыкновенная грязная

доска, но на ней просматривались какие-то царапины. Очистили доску, удивились:

— Да на ней чертеж!

Это был чертеж самого настоящего коча!..

К концу четвертого полевого сезона раскопки были закончены.

Какой же была Мангазея?

Если сравнить ее с другими северными городами, то она многим из них не уступала по компактности своих построек и архитектуре.

Сам посад, центральная часть города, имел до полутора сотен построек, в которых жило до тысячи человек. Город располагал стрелецким гарнизоном из 100 воинов. В нем были хлебные амбары, гостинный двор, таможня, литейные, сапожные, ювелирные мастерские. Это был удобный для торговли и промысла город.

На высоком месте, над Тазом-рекою стал город. Башни и стены его были покрыты тесом. По ним расхаживали одетые в красивые кафтаны стрельцы.

Воины, мореходы, охотники, безымянные ремесленники и крестьяне построили город на вечной мерзлоте!..

...Я уходил из кабинета Белова, когда за окном уже сгущались поздние сумерки. Было самое начало осени, за рекой Фонтанкой в парке около Инженерного замка сине-зелено горели листвою деревья.

— А в Мангазее листва уже облетела, — сказал Михаил Иванович. — И трава, должно быть, полегла. Побили ночные морозы.

Я шел по набережной. В воде за гранитной стенкой отражались прекрасные ленинградские дома, а перед глазами все еще стояли рисунки и фотографии, увиденные в кабинете ученого. Каменные низкие пирамиды-гурии на пустынных полярных берегах, побитые дождем и снегом избы-зимовья, ровные прямоугольники бревен, чернеющие среди полос снятого дерна, — остатки «златокопящей Мангазеи».

СОВЕТЫ ЧЕМПИОНА МИРА

18 октября телеграф отстучал сообщение из филиппинского города Багио: «Анатолий Карпов одержал шестую победу. Выиграв матч со счетом 6:5, он отстоял титул чемпиона мира».

Лидер советских шахматистов снова доказал: на планете Земля сейчас ему равных нет!

А перед самым отъездом Карпова на матч я случайно его встретил — где бы вы думали? — на почте. Направляюсь к окошку, смотрю: передо мной Анатолий Евгеньевич! Ну как же не взять у него хотя бы коротенькое интервью? Но об этом позже. Сначала кое-что о Карпове.

Еще маленьким, Толя все принимал всерьез: всегда старался «докопаться до корня» — почему так, а не иначе? А не попробовать ли вот так — не будет ли это лучше? И не удивительно, что, когда он познакомился с шахматами, вдумчивое отношение к делу обеспечило ему быстрый успех: в первом классе он уже ходит

в шахматный кружок Дома пионеров Златоуста, в третьем — завоевывает первый разряд, в четвертом — кандидат в мастера, в восьмом — мастер спорта.

Если человек, задумавший чего-то добиться, прилагает к тому все силы, он обычно достигает цели. И вот уже Анатолий чемпион мира среди юношей, а вскоре и международный гроссмейстер.

— Запомните этот день: сегодня на шахматном небосклоне взошла звезда первой величины! — заявил тогда Ботвинник и попал в самую точку.

Петросян и Таль, Смыслов и Ларсен, Полугаевский и Спасский — все испытали тяжелую шахматную руку Анатолия Карпова. А он взбирался по

ступенькам шахматной лестницы все выше и выше и в 1975 году достиг вершины — стал чемпионом мира! А сейчас продлил свои чемпионские полномочия еще на трехгодичный срок.

Шахматные рекорды не регистрируют.... Да и что тут считать за рекорд? Но есть приз, о котором мечтает каждый шахматист, — «Шахматный Оскар»! Он вручается лучшему шахматисту года. Кто определяет лучшего шахматиста? Представители мировой шахматной общности, голосованием. Впервые «Оскар» был присужден в 1967 году Бенту Ларсену. Затем лучшим шахматистом года дважды объявлялся Борис Спасский, потом — три раза Роберт Фи-

шер, а с 1973 года почетный приз неизменно присуждается Анатолию Карпову. В его коллекции теперь уже пять «Шахматных Оскаров»! Разве это не рекорд? Побить его будет чрезвычайно трудно, но одному из шахматистов, наверно, удастся. Кому же? Самому Карпову!

А теперь — ответы чемпиона мира на вопросы костровцев.

— Сельские ребята часто спрашивают, как научиться хорошо играть в шахматы, если там, где они живут, нет хороших шахматистов. Что вы им посоветуете?

— Разумеется, единого для всех рецепта нет, но все же скажу: разбирайте публикуемые партии мастеров! И не увлекайтесь излишне дебютной теорией — зубрежка лишь вредит становлению шахматиста. Всему свое время.

— Помогают ли заочные соревнования улучшить игру за доской?

— Бесспорно! И турниры по переписке, и конкурсы решений вырабатывают необходимые для шахматиста качества: волю к победе, упорство при встрече с трудностями, логичность мышления, умение анализировать. Когда «заочник» переходит на игру за доской, он прогрессирует гораздо быстрее других.

— В юности вы занимались в заочной шахматной школе Ботвинника. Сейчас есть и другие подобные школы, например, школа Петросьяна, школа Смыслова. Ребята пишут: «Мечтаю туда попасть. А как?»

— Мечта — это много, но еще не все. Чтобы быть принятым в такую школу, нужны и шахматные знания, и высокий спортивный разряд — не ниже первого. Для ребят, не имеющих возможности получить разряд в очных турнирах, есть иной путь: в конкурсах, скажем «Костра», выполнить третий и второй разряды, а потом играть на первый в турнирах по переписке. И тем вашим читателям, которые последуют моему совету, я хочу пожелать успеха!

Ю. БАРСКИЙ,
заслуженный тренер СССР

САМЫЙ КРАСИВЫЙ БУКЕТ

В. ЛЫСОВ

В сентябре ребята Селезневской средней школы отмечали праздник урожая. В этот день девочки пришли в школу раньше обычного: накрыть столы к приходу гостей.

Пахло укропом, смородиной, огурцами, яблоками и цветами.

Кто же пришел в гости? Директор совхоза «Селезневский» Сергей Иванович Новиков, трактористы Владимир Дмитриев, Валерий Медведев, Иван Ефимов, председатель колхоза «Вперед к коммунизму» Степан Наумович Галактионов, главный агроном совхоза «Суворовский» Ольга Ефимовна Болтунова — люди весьма уважаемые... И что самое-то главное, в прошлом ученики этой школы... Гости хвалили хозяев.

Но вдруг кто-то сказал:

— А все же чего-то не хватает на праздничном столе...

Можете себе представить, как подействовали эти слова на устроителей праздника! Уж так старались, заранее все обдумывали, приготовили! И на тебе!

Однако познакомимся с хозяевами. Праздничное угощение они вырастили своими руками на пришкольном участке. Работают не для себя — сдают урожай в школьную столовую. И для совхоза работают.

Весна в этом году была затяжная, поздняя: совхоз — в самом северном, Велижском районе Смоленской области. Приходилось удобрять землю, чтобы скорее выгнать ростки.

Малыши на пришкольном участке выращивают бобы, огурцы, редиску, картофель и цветы. Но каждый волен выби-

рвать себе дело по душе: некоторые, например, ухаживают за кроликами. А ребята постарше — те уже входят в учебно-производственную бригаду. Их поля сливаются с совхозными. 42 гектара пшеницы, овса, ячменя, брюквы, капусты закреплены за ними! Здесь они отвечают за все. За вывозку удобрений, за качество пахоты и сева и, конечно, за урожай. И обрабатывают свои поля сами.

Девочки — те под руководством главного агронома совхоза изучают правила агротехники.

Однако гордость здешних полей — это все-таки лен. Лен возделывается здесь с былинных времен.

Лишь только сойдет по весне снег, начинается сев льна. Вместе со взрослыми после школы работают и ребята. Старшие — на сеялках.

Окончили сев — к тракторам прицепляют бороны, а иногда после боронования еще и прикатывают поле катками, чтобы выровнять его, чтобы не было земляных комков — а то ведь один стебелек льна, даже если он выше соседнего на два-три сантиметра, будет затенять соседний, а лен любит свет.

Какая же красота открывается глазу, когда лен зацветет. Голубые поля далеко-далеко сливаются с голубизной горизонта. Душа радуется! А если ты сам создал эту красоту, и пролил пот на землю, и познал усталость, тогда ощущаешь близость к земле, уверенность, уважение к себе.

Пришло время готовить льноуборочные комбайны. Юра Воробьев, Миша Филип-

пов сами придирчиво осматривают их.

Выезжает колесный трактор и комбайн на прицепе с утра, когда еще не обсохла роса, когда по опушкам леса лежит, полусонно ворочается тяжелый туман. В эту пору головки льна еще не раскрылись, и семена все до единого попадают в аппарат комбайна, который очесывает, обрывает головки. Днем, когда солнышко в зените, когда начинает припекать, делают перерыв.

Лен можно сдать на завод соломкой — тогда его оставляют в поле на три-четыре дня.

А можно трестой, когда его волокна уже почти отделены от оболочки стебля. Но для этого он вымачивается вечерней, утренней росами, сушится на солнце не меньше трех недель, и все это время ребята выходят в поле.

Но вот наконец лен готов и собран в снопики. Первую машину со льном нового урожая провожают торжественно и ждут возвращения шофера.

— Ну как? — спрашивают его ребята.

— Молодцы! — говорит он. — Высшим сортом приняли ваш лен!

— ...Ну, так как вы думаете, чего не хватает на праздничном столе? — спросил-таки снова кто-то из гостей.

Ребята недоумевали.

И тут кто-то крикнул:

— Льна!

Поняли ребята свою оплошность. Запыхавшиеся, раскрасневшиеся от бега вернулись с маленьким сухим букетиком. Должно быть, собрали его по краю поля, там, куда семена-обсевики попали случайно. Кто-то налил воды в стакан, и этот скромный букет поставили в центр стола.

Праздник начался!

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 23-й

НЕПОНЯТНЫЕ ЧЕРТОЧКИ

РАССКАЗ

В Ленинграде после войны жил один храбрый командир подводной лодки.

Пришел я к нему и сказал:

— Здравствуйте.. Мне поручили о вас написать. Расскажите, пожалуйста, о себе...

Командир, как оказалось, рассказывать особенно не любил. Но он нашел в своем письменном столе записную книжку военных лет и сказал:

— Вот. Здесь есть все. Читайте... Если что не поймете, приходите. Разберем вместе...

Взял я записную книжку, поблагодарил и ушел. Вечером дома зажег лампу, начал читать. Записи были сделаны карандашом, строчки неразборчивые, торопливые...

И вот что я прочитал: «Наши войска оставили Севастополь. Теперь в городе фашисты. Экипаж подлодки поклялся мстить врагу...

А дальше я увидел совершенно непонятные черточки. Вот такие:

||| ||| ||| ||| ||| |||...

Много черточек. После — снова записи и все понятно: «Вышли в поход. На вторые сутки заметили два транспорта и корабли охранения. Произвели атаку, выпустили четыре торпеды. Один транспорт потопили. Нас атаковали корабли противника...»

И снова загадочные черточки:

||| ||| ||| ||| ||| |||...

Перевернул я страницу, читаю дальше: «Спать и отдыхать некогда: приходим из похода, уходим в поход. Нужно громить врага. Чтобы ни один фашист не ушел живым с нашего родного Черного моря. Ночь лежали на грунте. Утром всплыли под перископ. Атаковали транспорт с войсками. Попадание двумя торпедами. Нас преследуют сторожевые катера фаши-

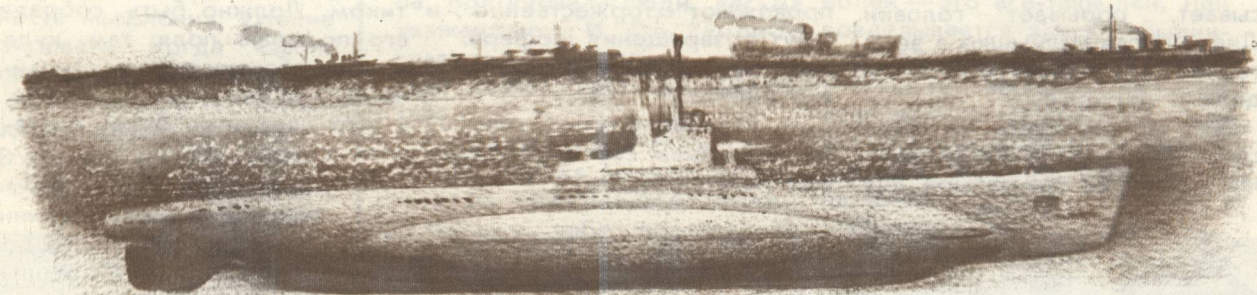
к командиру подводной лодки. Пусть объяснит, что это за черточки такие...

А он мой вопрос выслушал и усмехнулся.

— Это, — говорит, — моя арифметика. Каждая черточка означает сброшенную на нас фашистами глубинную бомбу. Когда мы после атаки уходили... Черточек в записной книжке — сотни. А каждая бомба могла стать для нашей подводной лодки — последней...

— Вы, — говорит, — обратили внимание, какие буквы? Вкривь да вкось... Это лодку взрывами швыряло... Но только всегда мы от фашистов уходили. Иначе бы мы с вами эти записи в руках не держали...

Так вот что значили загадочные черточки!.. Записную книжку я потом дочитал до конца. Последняя страничка была написана командиром в день нашей Победы. И никаких черточек на

В 14.00 атаковали фашистский кон- стов. Затаились на грунте...» И снова рабль. От фашистских самолетов непонятные черточки... ушли на глубину...»

Решил я на следующий день пойти

страничке не было. Потому что глубинные бомбы сбрасывать было некому — разгромили фашистов...

Г. ГУСЕВ

НАША ПОЧТА

Дорогая редакция!

Я хочу рассказать о пароходе «Гаситель». Это пароход-спасатель, ветеран Великой Отечественной войны. Однажды его капитан получил приказ: «Следовать в район села Ерзовка». Фашисты подожгли нефтекараван. «Гаситель» помчался полным ходом. Вдруг впереди что-то ухнуло и все, кто был на палубе, увидели на горизонте чудовищной высоты языки пламени: взрывались баржи... «Гаситель» подошел ближе. Две баржи еще не тронуло пламя. Капитан принял решение спасти баржи. На первую хлынули струи из восьми шлангов. Удалось отстоять и вторую баржу с горючим. Много подвигов на счету у мирного с виду парохода. За эти подвиги «Гаситель» и сохраняется как памятник волжским морякам.

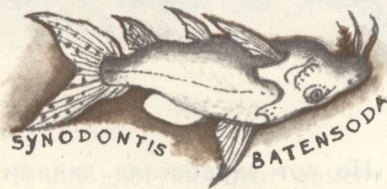
Юнкор *Игорь Емельянов,*
Волгоград

ВВЕРХ НОГАМИ

Рыбы обычно окрашены так: спинка всегда темная, а брюшко — светлое. Это затем, чтобы враги их в воде не очень замечали.

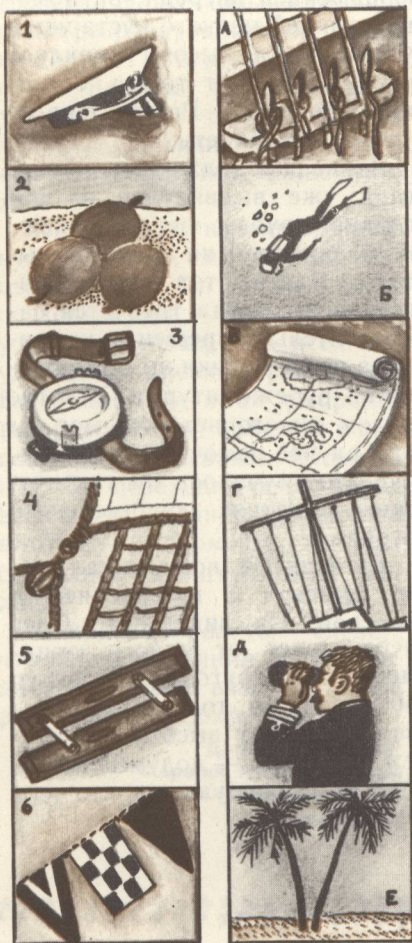
На рыбу сверху хищник глянет и не приметит — темная спинка сольется с темным цветом воды... Снизу хищник глянет, светлое брюшко со светлым небом одинаковое... Так рыба и уцелет. А вот есть рыба, у которой наоборот — спинка светлая, а брюшко — темное. Что же, так ей и пропадать? Нет, рыбка приспособилась, стала плавать брюшком кверху... Живет эта рыба в реке Нил. Называется — синодонт.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

ЧТО К ЧЕМУ?

Посмотри внимательно и реши: что из того, что нарисовал художник на картинках первого ряда, относится к тому, что нарисовано на картинках второго ряда.

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

ОБОРОНА МАЛОЙ ЗЕМЛИ

Гриша Тучин,
поселок Новосинеглазово

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Фото
Е. Чечкиной

В прошлом выпуске «Морской газеты» мы писали о теплоходе «Инженер Мачульский».

Эта фотография сделана в Англии, после разгрузки теплохода.

За это время, пока вы дожидались свежего номера «Костра», теплоход успел совершить три рейса в Англию и обратно.

НАМ СООБЩАЮТ

Несколько сот ребят занимаются морским делом в Одесской флотилии юных моряков. Опытные капитаны и преподаватели обучают ребят пяти специальностям: судовождению, работе с двигателями, радиоделу, электро-механике и судомоделизму. Летом юные моряки перейдут на пароход «Экватор». «Экватор» — старый пароход, и стоит на вечном причале, но зато на нем все настоящее: механизмы, каюты, капитанский мостик. Морскую практику ребята получают на катере «Опал». Катер не маленький, вмещает 120 человек...

При Тюменской областной школе ОСВОДа создан клуб юных моряков. Ребята слушают курс, названный «Боевые традиции русского флота». Курс читает капитан В. Милованов. Впереди занятия такелажным и радиоделом.

Практику ребята пройдут на теплоходе «Космонавт Гагарин».

Низкие тучи, как тяжелые бомбардировщики, покачивая косматыми крыльями, быстро неслись с залива над позициями юнармейского отряда.

Стояла ранняя северная весна. Снег, перемешанный с глиной, покрывал склон высоты, по которому медленно продвигались цепи ребят.

Евгений Иванович Агешин, старший пионервожатый школы, находился на наблюдательном пункте, оборудованном на

склоне высоты в старом блиндаже, оставшемся еще современ войны. Он внимательно следил за тем, как руководит ребятами замполит отряда Олег Глебов.

Пока что отряд проходил сквозь дымовую завесу четко, как на тренировке. Юнармейцы двигались короткими перебежками: залегут — снова откатятся в сторону, потом развернутся в цепь, идеально выдерживая интервалы.

Но вот заработали динамики, имитирующие пулеметную стрельбу. Эхо удесятило ее в предутреннем лесу, и ребята, возбужденные обстановкой «боя», забыли о плане, растерялись.

А главный сюрприз ожидал юнармейцев впереди: за ломаной линией мелкого кустарника у подножия высоты змеилась речка, бурая от торфа, с топкими берегами. Ребята еще не успели ее увидеть...

Атака продолжалась. Авангард уже выдвинулся на последний рубеж перед решающим броском на гребень высоты. Настал тот момент наступления, когда требуется самостоятельное решение командира после оценки им обстановки на рубеже штурма. И когда рядом никого нет, кто мог бы при случае помочь, подсказать, как это случалось на тактических занятиях юнармейского отряда.

Евгений Иванович ждал этого момента с нетерпением и опаской. Он видел, что Олег переползает от одного юнармейца к другому и что-то объясняет им, то и дело указывая в сторону высоты.

«Готовятся, — подумал вожатый. — Сейчас увидим, кто чего стоит!»

СТРОЕ РЕБЯКОЛЮБ

Фото
Н. Карасева

И вот наступил этот момент. По команде командира ребята бросились вперед и вдруг — увидели речку. Цепи перемешались, никто не решался первым прыгнуть в воду.

В это время вожатый снова заметил Олега. В руках Олега трепетал флаг. Порывы сильного ветра раздували алое полотнище, и от этого казалось, что языки пламени на пионерском значке словно ожили. Кто-то крикнул удивленно и радостно: «Ребята, смотрите, наше знамя!»

Олег глубоко вздохнул, крикнул что было сил: «Юнармейцы! Вперед!» Он вошел в воду, поскользнулся, но все-таки устоял на ногах, изо всех сил удерживая древко вертикально. Еще минута — и он выбрался на другой берег, побежал к вершине не оглядываясь. Вслед за ним уже переходил речку вброд весь отряд. Подняв деревянные автоматы, юнармейцы на ходу строились в штурмовую колонну.

И красная ракета — сигнал, что отряд выполнил боевую задачу, — взмыла вверх, молнией разрезав свинцовое небо.

Д. СЕВАСТЬЯНОВ,
старший пионервожатый
школы-интерната № 67,
Ленинград

ТВОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

Рисунки А. Януса

Магда

О собаке я мечтала с пяти лет. Сейчас я учусь в школе. Мечта о собаке наконец исполнилась. У нас — коричневый дог по имени Магда. Я хожу с ней на занятия, и многому уже научилась.

А недавно Магда совершила подвиг, если, конечно, так можно сказать о собаке...

Наш дом — недалеко от дороги, по которой машины ходят довольно редко. И часто на дороге играют малыши. В тот день мы с Магдой шли на прогулку и нужно было переходить дорогу. Недалеко

шла машина, и я решила переехать. И как раз на дорогу выкатился большой мяч, а за ним — маленькая девчонка. Я помню только крики и скрип тормозов. А потом увидела Магду на другой стороне дороги с девочкой. Она оттащила девочку за одежду. Все бросились к собаке. Девчонка, которую звали Алина, расплакалась, испугавшись дога. А я тоже плакала. А шофер машины взял и пожал Магде лапу, как человеку.

*Инга Михайловская,
Тюмень*

А как живет Феба?

О своей овчарке Фебе Люда Иванова уже рассказывала («Костер № 8, 1978 год).

Феба выросла, и высота ее в холке 67 сантиметров. Она полностью усвоила КОД — курс общей дрессировки. Были у нас неудачи, когда нужно было командовать на расстоянии. Делается это так. Дрессировщик укладывает собаку по команде «место» и отходит на 25 метров. А оттуда командует: «лежать!», «сидеть!», «стоять!» — то голосом, то

только жестом. Это очень трудно, и собаки с каждым упражнением продвигаются ближе к хозяину. За это судьи на соревнованиях снимают очки... Я придумала вот что. Уложу Фебу, а впереди нее положу небольшое, в полметра длиной бревно, чтобы она видела границу. Потом отойду и команду. Она сразу сообразила, что нужно не переходить границу... Потом я заменила бревно палочкой, потом палочку поводком...

Скоро мы будем сдавать экзамен. Какую степень Феба получит, я сообщу.

А еще Феба научилась пасти коров и пригонять их домой (мы в поселке пасем коров по очереди).

*Люда Иванова,
станция Мочаги
Челябинской области.*

Тревожная почта

Здравствуй, дорогая редакция!

Я завидую тем ребятам, у которых есть друг — собака. У меня тоже был друг — Фафик. Мы живем на пятом этаже, а Фафик был во дворе.

В тот день я поленилась погулять с ним. А был отлов бродячих собак. Фафика посчитали бродячей и убили. И виновата во всем только я сама... Ребята, будьте всегда рядом со своими четвероногими друзьями, чтобы не случилось того, что случилось с моей собакой!

С уважением ко всем

*Марина Ч.,
Воркута*

Мой Ларс

Я тоже очень люблю собак. В нашем городе есть клуб юных собаководов. В этот клуб я хожу с третьего класса, а сейчас уже работаю инструктором. Одну немецкую овчарку я уже выдрессировала, и она работает на границе. Недавно московские собаководы подарили мне щенка. Я его назвала Ларсом. Ему уже исполнилось шесть месяцев. Вот он какой. Только на фотографии ему три месяца...

*Ира Власова,
Владимир*

Что может собака?

Собака может даже прыгать с парашютом! Эту восточно-сибирскую лайку (зовут ее Ночка) я сфотографировала в далекой Туве. На лайке — сбруя с парашютом. Дело в том, что хозяин лайки работает пожарным. Только он пожарный особенный. Если горит

тайга, десантников-пожарных доставляют на самолете и сбрасывают с парашютом. Хозяин лайки никогда не расстается с любимой собакой. И прыгают они оба. Только у хозяина большой парашют, а у лайки — специально для нее сшитый, маленький. И удивительно, лайка не испытывает страха ни в самолете, ни прыгая вниз на тайгу. Ведь часто парашют цепляется за кроны деревьев, и верной собаке приходится ждать, когда ее снимут подоспевшие пожарные-парашютисты. Ну а в тайге лайка не раз выручала хозяина: находила дорогу в незнакомых местах.

Уголок воспитания

Поговорим о командах, которым нужно обучать щенка прежде всего.

Команда «Место!» — первая из таких команд. Когда в твоём доме появился щенок, для него уже должно быть готово определенное место — подстилка. Уложи на ней щенка и ласково повторяй — «Место!», одновременно поглаживая его. Если щенок волнуется, ласково придержи его и повторяй: «Место!», «Место!» Команду отрабатывай несколько раз в день, но в меру, чтобы несчастный щенок не сидел весь день в своем углу...

Команду «Ко мне!» отрабатывай, давая щенку корм. Держи в руках миску с едой, оклики щенка и позови «Ко мне!». При этом поставь корм на место и еще несколько раз повтори слова команды, пока щенок не подойдет к миске. К этой команде приучай щенка и в другое время. Когда щенок чем-то занят и играет неподалеку от тебя, оклики его и подай команду «Ко мне!» Если щенок не хочет идти, покажи ему лакомство и отдай, когда подойдет. Никогда не обманывай щенка! Команда «Ко мне!» очень важна на

прогулке, когда развеселившийся щенок умчит от тебя и не захочет возвращаться.

О других командах — в следующих выпусках.

Н. ЗАКАТОВА

Совет юнкора

Я люблю собак и увлекаюсь кинологией. Для тех, кто не знает, поясню. Это — наука о собаках. Изучает вопросы происхождения, воспитания, применения и анатомии собак. Я собираю о собаках все: статьи из газет и журналов, открытки, фотографии. Собрана у меня и библиотека книг по кинологии. Ребятам, которые хотят завести собаку, советую прочитать прежде книги: «Пособие по собаководству» (Составил книгу П. А. Заводчиков, а выпустило издательство «Колос» в 1973 году) и «Твой друг» и «Воспитай друга» Бориса Рябинина. Это очень полезные книги, и они многому научат...

Юнкор **Надя Трапезникова,**
Запорожье

Фотозагадка

Эти три собаки, как видите, очень дружны.
Все три — разных пород. Определите — каких?

БЛИЗНЕЦЫ

ПОВЕСТЬ

Эрих КЕСТНЕР

Глава пятая

Мюнхен. Главный вокзал. Платформа 16. В потоке приезжих образовался островок встреч. Девочки в объятиях своих сияющих родителей.

Потом постепенно платформа пустеет, и остается лишь девочка с косичками и бантами. До вчерашнего дня она носила локоны. До вчерашнего дня ее звали Луиза Пальфи.

Девочка присаживается на чемодан и крепко стискивает зубы. Ждать на вокзале чужого города маму, которую знаешь только по фотографии и которая не приходит, — не так-то просто!

Фрау Лизелотта задержалась на работе в редакции из-за нового, только что полученного материала.

Наконец она схватила такси. Наконец она добежала до платформы 16.

Платформа пуста. Далеко-далеко, в самом конце платформы, на чемодане сидит ребенок! Молодая женщина мчится по платформе.

У девочки, которая сидит на чемодане, дрожат колени. Неизвестное чувство наполняет сердце ребенка. Ведь эта молодая, сияющая от счастья, эта несущаяся к ней женщина — ее мама!

Луиза протянула руки навстречу женщине и повисла у нее на шее!

В Вене, в ресторане отеля «Империал», царило радостное оживление. Любимица завсегдатаев и служащих, дочь Пальфи, дирижера оперы, снова здесь!

Лотта, пардон, Луиза сидит, как все и привыкли ее видеть, на своем обычном месте, на стуле с двумя высокими подушками и ест ненавистный омлет.

Постоянные посетители один за другим подходят к столу, спрашивают, понравилось ли ей в пансионате, и тут же говорят, что в Вене с папой, разумеется, гораздо лучше, выкладывают перед ней на стол всевозможные подарки: конфеты, шоколад, вафли, цветные карандаши, а один даже вытаскивает из кармана маленькие старинные пальцы для вышивания и смущенно сообщает, что это еще его бабушки; мужчины кланяются дирижеру и возвращаются к своим столикам. И сегодня им, одиноким дяденькам, наконец-то снова нравится еда!

Но тут снова появляется официант Франц и преподносит новую порцию омлета!

Лотта трясет кудряшками.

— Я больше не могу, герр Франц!

— Но, Луиззи, — укоризненно произносит официант. — Это еще только пятый!

Когда слегка огорченный герр Франц с пятым омлетом уплывает обратно на кухню, Лотта берет себя в руки и говорит:

— Ты знаешь, папочка, с завтрашнего дня я буду есть то, что ешь ты!

Потом появляется государственный советник доктор Штробл и Пеперль. Пеперль — это собака.

— Смотри, Пеперль, — улыбаясь, говорит господин советник, кто это снова тут появился! Пойди, скажи Луиззи «Здрасьте»!

Пеперль виляет хвостом и послушно бежит к столику Пальфи, чтобы сказать своей старой приятельнице Луизе «здрасьте».

«Ах, сахар! Погрызу сахару!» И Пеперль приближается к столу, но тут же, не говоря «здрасьте», поворачивается назад к господину советнику.

— Что за глупое животное! — сердито произносит тот. — Не узнает свою лучшую приятельницу!

А Лотта думает про себя: «Какое счастье, что господин советник не столь проницателен, как Пеперль!»

Господин дирижер и его дочь, нагруженные подарками завсегдатаев, чемоданом, куклой, пляжной сумкой добрались домой на Ротенштурмштрассе. И Рези, экономка господина Пальфи, была просто вне себя от радости.

Но Лотта хорошо знала от Луизы, что Рези — сплошное притворство, и ее суета — это театр. Отец, конечно, этого не замечал.

Он выуживает из бумажника билет и говорит дочери:

— Сегодня я дирижирую оперой Хумпердинка «Гензель и Гретель». Рези доставит тебя в театр.

— О! — сияет Лотта. — И я увижу тебя со своего места?

— Конечно!

— И ты будешь на меня иногда посматривать?

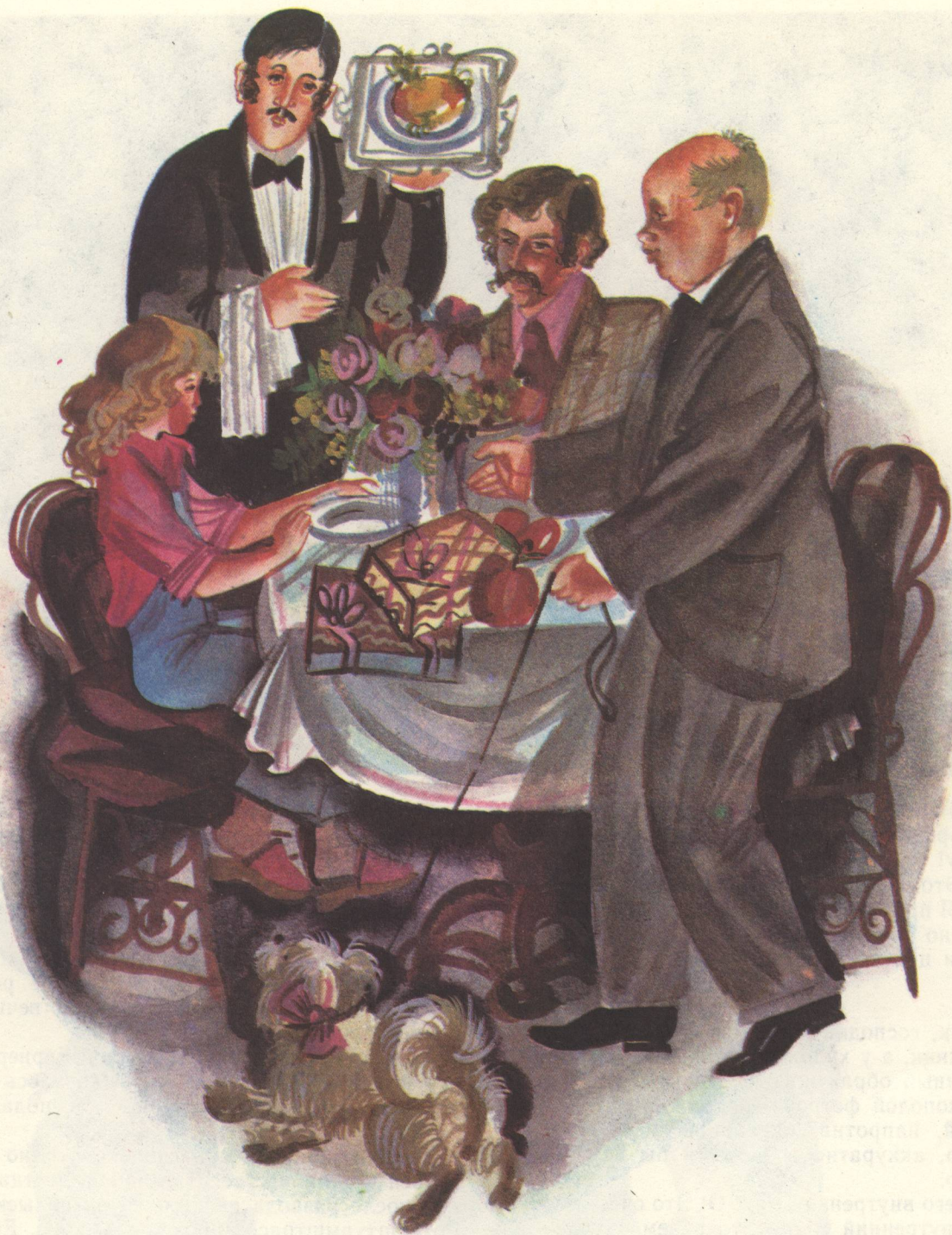
— Само собой разумеется!

— И я могу тебе тихонечко помахать рукой, когда ты согласишься?

— А я тебе кивну в ответ, Луиззи.

Тут звонит телефон. В трубке слышен женский голос. Отец отвечает односложно. А когда кладет трубку, начинает суетиться. Да, ему надо побыть еще несколько часов одному и помузицировать. Ведь он же не только дирижер, но и композитор. А сочинять музыку дома он не может. Для этого у него имеется студия на Рингштрассе. И так...

Продолжение. См «Костер» № 1, 1979 г.

Рисунки А. Ивашенцевой

— До встречи, моя девочка!

Дочь подходит к окну и печально думает о жизни. Маме нельзя работать дома. Папа не может работать дома.

Как все-таки тяжело с родителями!

Но тут (несомненно благодаря воспитанию матери она стала такой энергичной и практичной) решительно отбросив все думы, Лотта вооружается своей тетрадкой и начинает по

данным Луизой сведениям — комната за комнатой — исследовать старинную венскую квартиру.

После завершения исследования она по старой привычке усаживается за кухонный стол и подсчитывает в хозяйственной книге цифры в графе расходов.

При этом ей бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, Рези, экономка, почти на

каждой странице ошибалась в подсчетах. И во-вторых, каждый раз этот подсчет был в ее пользу!

— Это еще что?! — Рези стоит в дверях кухни.

— Я проверяла твою книгу, — говорит Лотта тихо, но решительно.

Рези цепенеет от удивления.

Итак, господин дирижер Людвиг Пальфи — художник, а у художников, как известно, свой, особенный образ жизни. Правда, он не носит широкополой фетровой шляпы и галстука бабочкой, напротив, одевается он вполне пристойно, аккуратно и даже, я бы сказал, элегантно.

Но его внутренний мир! О! Это очень сложно! Его внутренний мир — это в нем самом! Если к нему вдруг является вдохновение, ему необходимо уединиться, чтобы записать ноты, набросать партитуру. И вдруг такой момент наступает в большом обществе!

— Куда делся Пальфи? — спрашивает хозяйин дома.

Кто-нибудь отвечает:

— Должно быть, его опять посетило вдохновение!

Хозяин дома кисло улыбается, а про себя думает: «Невежа! Нельзя же каждый раз удирать!» Но дирижер Пальфи именно так и делал.

Убегал он и из своего собственного дома, когда был еще женат, и был очень молод, счастлив, и в то же время одержим.

Когда же в квартире день и ночь плакали совсем еще крохотные близнецы, а Венская филармония пригласила его с первым концертом для фортепьяно, ему пришлось забрать свой рояль и перетащить в студию на Рингштрассе, которую он снял в Вене.

И так как именно в ту пору его особенно часто посещало вдохновение, он все реже и реже приходил к молодой жене и вечно ревущим близнецам.

Лизелотте Пальфи, урожденной Кернер, едва достигшей двадцати лет, это не казалось таким уж веселым. Она возмутилась и подала на развод.

Теперь дирижер мог сколько угодно находиться в одиночестве. Для одной, доставшейся ему после развода двойняшки он подыскал на Ротенштурмштрассе заботливую няню. Ему же самому в студии на Рингштрассе не докучала ни одна живая душа!

Но это теперь казалось ему не справедливым.

Он постоянно концертировал и становился год от году все известнее и известнее. Ну, а когда тоска особенно его угнетала, он мог посетить другое свое жилище и повозиться с дочуркой Луизой.

Всякий раз, когда в Мюнхене давались концерты, в которых исполнялись новые опусы Людвиг Пальфи, Лизелотта Кернер покупала билет и, опустив голову, усаживалась в одном из последних дешевых рядов; слушая музыку своего бывшего мужа, она думала, что счастливым человеком он не стал.

Глава шестая

Фрау Лизелотта Кернер доставила дочь в крохотную квартирку на Макс-Эммануилштрассе. Потом ей пришлось снова ехать в редакцию. Работа не может ждать.

Луиза, ах нет! Лотта для знакомства с квартирой быстро осматривает ее. Потом она берет ключ, портмоне и сетку. Она отправляется за покупками. У мясника Хубера на углу Принц-Евгенийштрассе она покупает полфунта хорошо вымытой говядины, тонкого края с кусочком почки и немного костей. И вот она лихорадочно ищет продуктовую лавку фрау Вагенталер, чтобы взять там зелени для супа, вермишели и соли.

Анна Хаберзетцер удивилась тому, что ее соученица Лотта Кернер стоит посреди улицы и быстро листает тетрадку.

— Делаешь на улице уроки? Но ведь сегодня еще каникулы!

Луиза озадаченно уставилась на девочку. Что за чепуха: человек тебя ни разу не видел, а обращается точно к знакомой! Наконец она соображает и весело говорит:

— Привет! Пойдем со мной? Мне надо купить у фрау Вагенталер зелени для супа.

Они идут под руку — если бы Луиза хоть знала, как зовут эту веснушчатую, которая, сама не зная того, ведет ее к лавке.

Фрау Вагенталер, конечно, рада, что Лотхен возвратилась после каникул и нагуляла такие розовые щечки! Когда покупка совершена, девочки получают каждая по конфетке и поручение — передать большой привет фрау Кернер и фрау Хаберзетцер.

Тут у Луизы словно камень с сердца. Наконец-то она знает: это Анни Хаберзетцер! (В тетрадке записано: «Анна Хаберзетцер, я трижды была на нее зла, она издевается над маленькими, и особенно над самой маленькой в классе Ильзой Марк»). Теперь можно уже и что-то предпринять!

И расставаясь у дверей дома, Луиза говорит: — Чтобы не забыть, Анни, трижды я на тебя злилась из-за Ильзы Марк и вообще, ты знаешь. В следующий раз это тебе так не пройдет... — За этим следует весьма выразительный жест, и она скрывается.

«Посмотрим, — надувает губки Анни. — До завтра недалеко! За время каникул она, кажется, совсем спятила?»

Луиза готовит. Она повязала передник мамы и как угорелая мечется между газовой плитой, где стоит на огне кастрюля, и столом, на котором лежит раскрытая поваренная книга. Она поминутно открывает крышку кастрюли. Когда кипящая вода с шипением бежит через край, она съеживается. Сколько соли нужно в вер-

мишелевый суп? Пол столовой ложки! Сколько сухого сельдерея? Щепоточку! Сколько же это, боже мой, щепоточка?

Дальше: «Натереть мускатного ореха!» Куда запропастился мускатный орех? Где железная терка?

Девочка роется в ящике стола, забирается на стул и осматривает все коробки, смотрит на стенные часы, спрыгивает со стула, хватается вилку, открывает крышку, обжигает пальцы, взвизгивает, тычет вилкой в говядину — нет, еще не сварилась!

С вилкой в руках она замирает как вкопанная. Надо еще что-то найти? Ах, верно! Мускатный орех и железную терку! А ну-ка, что это спокойно лежит рядом с поваренной книгой? Зелень! Ох, ее же надо почистить и положить в бульон! Итак, вилку прочь, берем нож! Готово ли наконец мясо? И где же этот железный орех и мускатная терка?

Луиза опускается на кухонный стул. Ах, Лотта! Нелегко быть твоей сестрой! Отель «Империал»... Советник Штробл... Пеперль... Франц... И папа... папа... папа...

А часы тикают.

Через двадцать девять минут придет мама!.. Через двадцать восемь с половиной минут!.. Через двадцать восемь! Луиза решительно поднялась на новые подвиги.

— Это просто смешно! — приговаривает она.

Решимости вполне достаточно, чтобы прыгнуть с высокой башни. Но для приготовления лапши с мясом недостаточно лишь силы воли.

И когда фрау Кернер возвращается домой, усталая от суматохи дня, она видит расстроенное жалкое существо, поцарапанное, смущенное, подавленное, готовое расплакаться. И слышит:

— Не ругай меня, мамочка! Мне кажется, я не умею больше готовить!

— Но Лоттхен, разучиться готовить, это же невозможно! — удивленно восклицает мать.

Однако удивляться некогда. Нужно осушать детские слезы, пробовать бульон, бросить разварившееся мясо в кастрюлю, достать из шкафа тарелки и столовые приборы и многое другое.

Когда они наконец сидят в комнате под лампой и едят суп из вермишели, мать утешительно произносит:

— И все же получилось очень вкусно, верно?

И теперь девочке самой все кажется таким вкусным, как никогда в жизни.

— Завтра я буду готовить сама, — говорит мама. — А ты будь повнимательней. И тогда скоро сможешь готовить так же, как я.

Девочка с готовностью кивает.

После еды они вместе моют посуду. А Луиза рассказывает, как великолепно было в пансионе. (Разумеется, она ни слова не говорит о девочке, которая была на нее поразительно похожа!)

Между тем, Лоттхен в лучшем платье Луизы сидит, прижавшись к бархатному барьеру, в ложе Венской государственной оперы и горящими глазами смотрит вниз, в оркестр, где дирижирует Людвиг Пальфи. Увертюра «Гензель и Гретель».

Как великолепно выглядит папа во фраке! И как повинуются ему музыканты, несмотря на то, что среди них есть очень пожилые господа! Когда он сильно взмахивает палочкой, они играют так громко, как только могут. А когда он хочет, чтобы они играли тихо, тогда шелестят, как вечерний ветерок. Должно быть, они его боятся! И он так весело только что кивнул ей.

Дверь ложи открывается.

Шурша платьем, входит молодая элегантная дама, садится у барьера и улыбается смотрящей на нее девочке.

Лотта застенчиво отворачивается и снова смотрит, как папа управляет музыкантами.

Молодая дама достает бинокль. И коробку конфет. И программу.

Когда увертюра кончилась, раздаются громкие аплодисменты. Дирижер господин Пальфи несколько раз кланяется. Потом он смотрит наверх, вложу.

Лотта потихоньку машет ему рукой. Папа улыбается еще ласковее, чем раньше.

И тут Лотта видит, что не только она машет рукой, но и сидящая рядом с ней дама! Дама машет папе? И может быть, папа именно ей так приветливо улыбнулся? И совсем не своей дочери? Почему Луиза не рассказывала ей об этой незнакомой женщине? Девочка замечает себе: «Сегодня же написать Луизе. Завтра перед школой — на почту. Мюнхен 18, до восребования, «Незабудке».

Поднимается занавес, и надо принять участие в судьбе Гензеля и Гретель. Лотта затаила дыхание. Там внизу родители посылают своих детей в лес, чтобы отделаться от них. И это любимые их дети! Как же родители могут быть такими злыми?

Волнение Лоттхен, двойняшки, но оставшейся в одиночестве и ставшей Луизой, возрастает. Она все меньше обращает внимание на то, что происходит там, внизу на сцене, с двумя детьми и их родителями, и все больше думает о самой себе, о своей сестре и о собственных родителях. Разве они имели право сделать то, что сделали? Совершенно ясно, что мама не злая женщина, и отец тоже определенно не злой. Но то, что они делали, — это было зло! Дровосек и его жена были так бедны, что не могли купить для своих детей даже хлеба. А отец? Разве он беден?

Позже, когда Гензель и Гретель подходят к хрустящему пряничному домику, принимают грызть его и пугаются голоса ведьмы, фрейлейн Ирена Герлях, так зовут элегантную даму, наклоняется к девочке, пододвигает к ней коробку конфет и шепчет:

— Не хочешь ли и ты немножко погрызть?

Лоттхен вздрагивает, взглядывает на нее и,

видя перед собой лицо женщины, невольно шархается. К несчастью, она задевает коробку, и вниз в партер, точно по магическому слову, сыпется шоколадный дождь! Взоры обращаются вверх. Сквозь музыку слышится приглушенный смех. Фрейлейн Герлях улыбается чуть смущенно, чуть сердито.

Девочка цепенеет от страха. В одно мгновение она вырвана из опасного волшебства искусства. В одно мгновение она оказалась в опасной ситуации действительности.

— Простите меня, пожалуйста, — шепчет Лоттхен.

Дама кисло улыбается.

Луиза в первый раз в Мюнхене укладывается в постель. Мама сидит на краю кровати и говорит:

— Ну, дорогая моя Лоттхен, спи спокойно! Приятных сновидений!

— Ты скоро ляжешь? — бормочет девочка.

— Скоро, — говорит мама. — Как только ты заснешь. — Молодая женщина прижимает к себе дочь. — Я так рада, что ты вернулась домой, — шепчет она. — Ведь ты у меня единственная!

Сонная девочка откидывает назад голову. Лизелотта Пальфи, урожденная Кернер, поправляет одеяло, некоторое время прислушивается к дыханию дочери. Потом она осторожно встает. На цыпочках она выходит в соседнюю комнату.

Под настольной лампой лежит папка с бумагами. Еще так много работы.

Лотта в первый раз уложена ворчливой Рези в постель. Вскоре она потихоньку встала и написала письмо, которое завтра рано утром снесет на почту. Потом она снова тихонько пробралась в Луизину кровать и, прежде чем выключить свет, еще раз спокойно рассматривает детскую.

Это просторная, красивая комната со сказочным фризом на стенах, со шкафом для игрушек, с полкой для книг, с партой для школьных занятий, с большим игрушечным магазином, изящным старомодным туалетом, коляской для кукол, кукольной кроватью; все на месте, за исключением главного.

И разве она сама никогда не мечтала о такой великолепной комнате, про себя, чтобы не догадалась мама? И вот она у нее есть, но все острее и острее становится тоска и гнетущая боль в душе. Она тоскует по маленькой скромной спальне, где сейчас спит ее сестра; вспоминает о мамином поцелуе перед сном, о свете, который проникал из комнаты, где мама еще продолжала работать; вспоминает, как потом тихонечко открывалась дверь и мама на цыпочках пробиралась к своей кровати.

Если бы здесь, хотя бы в соседней комнате, стояла папина кровать! Может быть, он храпит? Это было бы прекрасно. Она бы знала, что он тут, совсем близко! Но он не спит

здесь, он спит совсем в другом доме на Картерринг. А может быть, он еще и не спит, а сидит с элегантно шоколадной фрейлейн в огромном сверкающем зале, пьет вино, смеется, танцует с ней?..

Глава седьмая

Прошли недели после первого дня и первой ночи в незнакомом мире среди незнакомых людей. Недели, когда каждое мгновение, каждая встреча, любая случайность таят опасность разоблачения. Недели душевных потрясений и писем до востребования все с новыми и новыми неотложными вопросами.

И все пока идет благополучно. Конечно, в этом есть и немалая доля удачи. Луиза «снова» научилась готовить. Учительнице в Мюнхене приходится примириться с тем, что маленькая Кернер, возвратившись после каникул, не так прилежна, аккуратна и внимательна, но зато она стала жизнерадостнее и готова постоять за себя.

А ее коллега из Вены отнюдь не против, что дочь дирижера Пальфи стала внимательной и лучше справляется с умножением.

Песик доктора Штробла с некоторых пор по своему старому обыкновению говорит «здрасьте» девочке за столиком дирижера. И хотя это и противоречило его собачьим понятиям, он примирился с тем, что Луиззи больше не пахнет Луиззи. У людей всякое бывает, почему бы и не случиться такому? Кроме того, девочка не ест уже так много омлетов, а с большим удовольствием ест мясное. Если подумать о том, что в омлете нет костей, в отбивных же, к счастью, наоборот, то можно понять, почему животное сменило гнев на милость.

Если даже учительница находит, что Луиза удивительным образом изменилась, то что же остается сказать Рези, экономке, которая к ней гораздо ближе? Ведь Рези, и в этом нет никаких сомнений, тоже стала совершенно другим человеком. И Рези старается изо всех сил.

Даже отец заметил, что содержание дома раньше обходилось дороже, теперь же, хотя он и дает меньше денег, на столе — постоянно цветы, и не только здесь, но и в студии на Рингштрассе; он замечает, что на Ротенштурмштрассе стало уютнее.

То, что он больше времени проводил теперь на Ротенштурмштрассе, стала замечать даже шоколадная дама — фрейлейн Ирена Герлях. И она позволила себе обратить на это внимание господина дирижера. Конечно, очень осторожно, ведь художники так чувствительны!

— Ты знаешь, — сказал он ей, — меня радует, что Луиззи теперь часто сидит за пианино и с удовольствием перебирает пальчиками клавиши. К тому же она так трогательно распеваает. А ведь раньше ее трудно было заставить подойти к пианино.

— И что же? — спросила фрейлейн Герлях, и ее брови поднялись чуть не до самых волос.

— Что же? — господин Пальфи смущенно улыбнулся. — С некоторых пор я даю ей уроки музыки! Это доставляет ей необыкновенное удовольствие. Мне, впрочем, тоже.

Фрейлейн Герлях наградила его презрительным взглядом. Ведь она — персона в высшей степени одухотворенная. Потом она язвительно произнесла:

— А я-то думала, ты композитор, а не учитель музыки для маленьких девочек.

Раньше никто безнаказанно не мог бы сказать такое композитору Людвигу Пальфи! Сегодня же он рассмеялся как школьник и воскликнул:

— Но я же никогда в жизни не сочинял столько, как теперь! И никогда не сочинял так хорошо!

— И что же это будет?

— Детская опера, — ответил он.

В глазах учительницы изменилась Луиза. В глазах девочки изменились Рези и Пеперль. Сплошные изменения.

И в Мюнхене, конечно, тоже произошли всякие изменения. Когда мать заметила, что Лотта стала не такая хозяйственная и не столь уж прилежна в школе, но зато подвижнее и веселее, чем раньше, она призадумалась и сказала себе:

«Лизелотта, ты сделала из послушного маленького существа домашнюю хозяйку, а не ребенка! Стоило ей побыть несколько недель со сверстницами в горах, у озера, и она стала тем, кем и должна бы быть: веселой, свободной от твоих забот девочкой! Фу, какой ты была эгоисткой! Радуйся, что Лотта весела и счастлива! Она может даже принести от учительницы такое письмо: «Внимательность, аккуратность и прилежание Лотты за последнее время внушают опасение».

— Мой ребенок, — сказала она, — мой ребенок должен оставаться ребенком, а не становиться раньше времени взрослым! Пусть лучше она будет веселой, живой замарашкой, чем ценой многих лишений сохранит звание вашей первой ученицы.

— Но раньше же Лотта могла совмещать в себе и то и другое, — объясняет слегка шокированная фрейлейн Линнекогель.

— Почему это теперь у нее не получается, я не знаю. Работающие женщины вообще слишком плохо знают своих детей. Это должно быть, как-то связано с каникулами. Но я знаю и вижу одно: что она больше на это не способна! И это точно!

Фрейлейн Линнекогель энергично поправляет очки.

— Вы считаете нормальным, что Лотта последнее время избивает соучениц?

— Соучениц? — повторяет фрау Кернер. — Насколько мне известно, она побила только Анни Хаберзетцер.

— Только?

— Эта Анни Хаберзетцер действительно заслуживала оплеухи! От кого-нибудь должна же она была получить ее!

— Но фрау Кернер!

— Большая прожорливая дурища имеет привычку исподтишка издеваться над самой маленькой в классе, и ее-то, эту Анни, учительница берет под защиту!

— Позвольте? В самом деле? Об этом я ничего не знала!

— Тогда спросите хотя бы у бедняжки Ильзы Марк! Наверное, она вам кое-что расскажет!

И фрау Кернер помчалась в редакцию. Чтобы успеть вовремя, ей пришлось взять такси. Две марки тридцать пфеннигов! О, какие деньги!

В субботу после обеда мама вдруг достала рюкзак и сказала:

— Надень крепкие ботинки! Мы поедем в Гармиш и только завтра к вечеру вернемся назад!

Луиза осторожно спросила:

— Мама, а это не будет слишком дорого? Фрау Кернер слегка улыбнулась. Потом рассмеялась:

— Если не хватит денег, я тебя продам по дороге!

Девочка заплясала по квартире.

— Великолепно! А когда ты получишь деньги, я убегу от них! А если ты продашь меня три-четыре раза, у нас будет столько денег, что сможешь целый месяц не работать!

Из Гармиша они едут на Айбзее. Под губную гармошку и с веселыми песнями. Потом они, очертя голову, карабкаются по заросшим лесом горным склонам. Собирают лесную землянику. И прекрасные чудесные цветы — душистые белые ландыши. И мох с маленькими остроконечными шляпами на макушках. И крошечные альпийские фиалки, которые так сладко пахнут, что даже невозможно себе представить!

Вечером добираются до деревушки под названием Грис.

А в воскресенье утром отправляются дальше. Вершины гор сверкают серебром. Крестьяне в своих нарядах идут из кирхи. Коровы, словно сплетницы, стоят посреди деревенской улицы.

Веселые и загорелые садятся они в поезд. Симпатичный господин, сидящий напротив, никак не хочет верить, что молодая женщина рядом с Луизой — мама.

Дома они как медведи заваливаются на свои кровати. Девочка только успевает произнести:

— Мамочка, сегодня было так хорошо, как только может быть на свете!

Мать еще некоторое время лежит с открытыми глазами. До сих пор она не доставляла своей дочери такого счастья, а это так легко!

И с этим фрау Кернер засыпает. По ее лицу бродит улыбка.

Девочка изменилась. Теперь стала изменяться и молодая женщина.

Продолжение следует

КЛЮЧ К РЕКОРДУ

К ОЛИМПИЙСКИМ ИГРАМ

●
Ребята идут
в экспедицию

●
ТАЛАНТЛИВЫЙ
ГРИМЕР

●
РЕЦЕНЗИЮ ПИШЕМ САМИ

●
ОТВЕЧАЕМ НА ПИСЬМО

Оформление
Т. Капустиной

На просмотре кинофильма «Ход белой королевы» режиссер Садовский услышал упрек:

— Это вы слишком... У вас в фильме лыжницы проиграли первые этапы эстафеты, а на последнем спортсменка обходит всех и приносит команде золотые медали! Невозможно...

Виктор Александрович повез фильм в Бакуриани, в горы, где наши лыжники готовились к Олимпийским играм. «Как воспримут фильм спортсмены, о которых идет рассказ?» — волновался он.

Спортсмены тоже не могли вспомнить такого случая, но фильм им понравился.

К великому изумлению всех собравшихся на Олимпийские игры в Саппоро наши гонщики проиграли все три первые этапа лыжной эстафеты. Точно как в кино! На последнем этапе шел Вячеслав Веденин. Пример у него был один, в недавно просмотренном фильме. Лыжник на дистанции стал действовать так же. Веденин совершил спортивный подвиг: пришел первым и завоевал нашей команде золотые олимпийские медали.

Потом его наградили орденом Ленина.

— Наша победная лыжня началась с экрана, — сказал Веденин.

За свои лучшие спортивные фильмы — «Ход белой королевы», «Удар, еще удар», «Одиннадцать надежд» — на различных международных и Всесоюзных конкурсах заслуженный деятель искусств Садовский по-

лучил тридцать наград. Среди них — золотая олимпийская медаль за фильм «Ход белой королевы». Она присуждена национальным Олимпийским комитетом Италии на фестивале международной спортивной кинематографии в Кортина-д'Ампеццо.

Совсем немного осталось времени до Олимпиады в Москве. Готовятся к ней наши спортсмены, готовятся к ней и режиссер Садовский. Недавно он закончил съемку фильма «Все решает мгновение».

Его героиня — девочка из приморского городка Надя Привалова. Хорошо плавать девочку научил дельфин, с которым она плавала в море. Случайно попав на соревнования, Надя всех обыгрывает. Ее посылают в Москву, и она обгоняет лучших пловчих страны. Надю включают в сборную команду, и она едет в Швецию, на чемпионат Европы.

Но вот шумная толпа заполнила трибуны, на водные дорожки наведены телевизионные камеры, начинаются соревнования. И вот тут происходит то, чего никак не могли предположить тренеры и сама Надя. Она пугается, руки и ноги перестают ее слушаться.

Что произойдет дальше, вы можете узнать, посмотрев фильм.

С. ИВОЛГИН

Роль Нади Приваловой исполняет ученица Воронежского хореографического училища Галя Беляева. Тренировалась Галя во время съемок вместе со сборной страны по плаванию. Главный консультант картины — заслуженный тренер СССР Войцеховский, который сейчас готовит нашу команду к Олимпийским играм.

НОВАЯ СТАРАЯ СКАЗКА

Мюзикл «Мама» — сказка про волка и семерых козлят. Он мне понравился больше всех ранее виденных на

экране. Авторы франко-румыно-советского фильма не стремились точно воссоздать на экране народную сказку. Они взяли ее только как канву.

В фильме — параллель между жизнью сказочной и настоящей. Козу зовут тетей Машей, одного из козлят Митяем. Актеры играют без масок, катаются на коньках, поют, плачут — в общем живут как люди. А ведь играют они Медведей, Ослов, Баранов и даже Ласточек.

Старая сказка на новый лад. Но хотя и на новый лад, сказка остается сказкой. Серый Волк все так же зол и коварен, несмотря на то, что прикрывается безобидной песенкой:

Серый Волк невинен, как дитя,
Серый Волк напрасно оклеветан...

Коза — такая же заботливая мама, как и в той старой сказке:

Я очень тороплюсь,
Я за козлят боюсь...

Создатели фильма, по-моему, хотели еще раз напомнить людям, что чудеса в них самих, что добро и зло, верность и коварство, любовь и ненависть — все также сопровождают нашу жизнь.

В роли Козы — актриса Людмила Гурченко, в роли Волка — Михаил Боярский.

В фильме много музыки — радостной и грустной.

Мне фильм «Мама» очень понравился. Ведь и в наш ядерно-космический век нужны просто... сказки.

Дина Кириллова

Минск

Волшебник ГОРЮНОВ

Представьте: на школьный карнавал мальчишка решил прийти в гриме разбойника. Он приклеил себе густую длинную бороду. Пышные усы. Перетянул глаз черной повязкой, посмотрел в зеркало — и остался очень доволен собой.

— Э, нет, — возразил бы, увидев его, Василий Васильевич Горюнов. — Давай-ка начнем сначала. Я знаю, ты человек непоседливый, любопытный, озорной. А потому стягивай эту солидную черную бороду и возьми другую — коротенькую, рыженькую. И роскошные усы замени вон теми, поскромнее. Непоседливому человеку легче двигаться с такой бородкой и усами.

Ты разбойничек хитрый, пронырливый, так пусть об этом скажет твой нос. Сделаем его при помощи латекса (жидкой резины) остреньким, любопытным. Вот так. Можно и зубы подгримировать — разбойники ведь подрались охочи, и не удивительно, если одного-двух зубов не хватает.

Повязка настоящему пирату, конечно, нужна. Но этому — не черная, а пестрая, хотя бы в горошек. Он человек веселый, хоть и разбойный. К горошку прекрасно пойдут веснушки — вот такие: крупные, рыжие. Теперь готово!

...Василий Васильевич Горюнов уже пятьдесят лет работает гримером на киностудии «Ленфильм». Его называют здесь волшебником. На помощь гримеру приходит техника. Создаются новые материалы, на смену неудобной проклеенной вате и гипсу приходит латекс. Он не стесняет актера и менее заметен на экране.

Чуткие, как у художника, руки, отличная зрительная память необходимы каждому, кто хочет выбрать эту профессию. Случается, что, начав сниматься в какой-то сцене, актер уезжает на несколько дней и даже на месяц. Потом, вернувшись на студию, продолжает съемки в том же самом эпизоде. Гример обязан в точности воспроизвести облик пер-

сонажа, не меняя ни морщинки, ни волоска. И еще одна особенность. Актер, режиссер, оператор или художник фильма стараются

показать зрителю результаты своей работы. Грумер же должен сделать так, чтобы его работа была как можно менее заметна...

М. ПАВЛОВА

Летняя поездка к морю

Летом 1942 года ребята, те, кто жили в Архангельске, отправились в экспедицию собирать яйца кайр — эти яйца были очень питательны.

Документальные материалы экспедиции легли в основу сценария, написанного Юрием Клепиковым.

Поскольку фильм не придуманный, то и съемки не павильонные, а в тех самых местах, где происходили эти события, — в Баренцевом море, на острове Харлов, в районе Новой Земли.

Главную роль в фильме исполняет ленинградский школьник Андрей Зотов.

Среди участников съемок — группа юных скалолазов Ленинградского Дворца пионеров.

Об этой архангельской экспедиции вы можете прочитать повесть Вадима Фролова «В двух шагах от войны», которая напечатана в нашем журнале в 1—4 номерах 1978 г.

Т. ОТЮГОВА

КАКОЙ ФОТО- аппарат лучше?

В редакцию пришло письмо: «Хочу научиться фотографировать и поэтому собралась выбрать удобный современный фотоаппарат по возможности не сложного устройства. Посоветуйте, какой фотоаппарат лучше приобрести?»

Лена Князькова, Псков».

На письмо Лены отвечает преподаватель фотожурналистики Н. Н. Осколкова:

— Все камеры можно подразделить на четыре основные группы по формату фотоаппаратов.

Миниатюрные фотоаппараты, такие как «Киев-30», удобны в дальних походах, это портативные, легкие «фотоблокноты», но зато и фотографию размером больше фотооткрытки получить с них трудно.

У начинающих фотолюбителей особенно популярен полуформатный фотоаппарат «ФЭД-МИКРОН».

При съемке этой камерой юному фотолюбителю не надо даже определять расстояние от аппарата до объекта съемки. Техника наводки на резкость сводится к установке объектива на один из трех символов на шкале: «портрет», «группа», «пейзаж».

Из малоформатных фотоаппаратов для юных начинающих фотолюбителей предназначены камеры «Смена-8М», «Смена-символ», «Вилия», «Вилия-авто».

Все остальные марки — «ФЭД», «Зоркий», «Зенит», «Киев», «Сокол», «ЛОМО» — хороши для опытных любителей и репортеров.

Из моделей среднеформатных фотоаппаратов начинающим фотолюбителям можно порекомендовать «Любитель-2» и «Этюд».

Об этом мальчишке я ничего раньше не знал. Другое дело — Павлик Морозов, Саша Чекалин, Саша Кондратьев, — а тут вдруг Коля Пищенко. Кто такой? Чем прославился так, что его именем названа улица в городе Севастополе, ему установлен бюст, его история стала легендой?

...Шел 1855-й год.

...Бомбардировка началась в половине седьмого. Первые взрывы потрясли утренний город, ослепили вспышками настороженные дома и казематы. Возникли пожары. Едкий дым, подгоняемый ветерком, полз по склонам серых холмов. Вице-адмирал Корнилов осматривал укрепления.

В одном из казематов он увидел мальчонку, который в упор рассматривал его. Корнилов нахмурился: на днях он отдал приказ эвакуировать из Севастополя всех детей и женщин.

— Кто командир батареи?
— Лейтенант Забудский.
— Позвать!

Офицер, услышав свою фамилию, подбежал к адмиралу. Корнилов внимательно осмотрел молодого командира. Тонкое бледное лицо обрамляли опаленные бакенбарды, мундир его был прожжен во многих местах, но сидел молодцевато.

Уже мягче адмирал произнес:

— У вас на батарее дети, лейтенант.

— Так точно, ваше превосходительство. Сын бомбардира Пищенко.

Герой Севастополя

Корнилов с притворной суровостью сдвинул брови:

— Приказываю ему выйти!

Из землянки показался мальчишка. Отряхнулся, вытянулся во фронт и строевым шагом подошел к адмиралу:

— Николка, сын матроса 37-го флотского экипажа Тимофея Пищенко, по вашему приказанию явился! — громко отрапортовал мальчуган. И жалобно попросил: «Не отправляйте с батареи, ваше превосходительство! Я... воду доставлять могу...»

С водой на бастионах было действительно туго.

Адмирал повернулся к адъютанту:

— А ведь сын бомбардира прав. Надо привлечь к этому делу горожан, — и, глядя на мальчишка, добавил: — Значит, помощник? А на чем собираешься возить?

— Уж придумаю.

— Ну уж придумаю, придумаю! — Корнилов улыбнулся и, садясь на лошадь, бросил За-

будскому: — Поставить на довольствие!

— Есть поставить! — весело ответил лейтенант.

Вот так и оказался на бастионе одиннадцатилетний севастопольский мальчишка Николай Пищенко. Пришлось ему не только воду к пушкам возить, но и самому стрелять из этих пушек, когда на батарее остался только кок да он, Николка. А за мужество, проявленное в бою с врагами, Николка был сначала награжден серебряной медалью «За храбрость», а потом и высшей по тем временам солдатской наградой — Георгиевским крестом.

Вот каким он был, герой Севастопольской обороны Николай Пищенко. А узнал я о нем из книжки, которую написали Михаил Леонидович Лезинский и Борис Михайлович Эскин. Книжка называется «Сын бомбардира». Вышла она в серии «Юные герои». Напечатали книжку в издательстве «Молодая гвардия».

Кто из вас, друзья, не мечтает о подвиге? Наверное, таких нет. Но, чтобы совершить подвиг во имя своей Родины, надо очень и очень крепко любить ее, так, как любили ее первые пионеры, в которых стреляли из кулацких обрезов; как любили ее молодогвардейцы; как любили ее первопроходцы космоса и целины, БАМа и КАМАЗа... Как любил ваш далекий сверстник Николай Пищенко. Прочтите эту книжку, и вы прикоснетесь сердцем к подвигу.

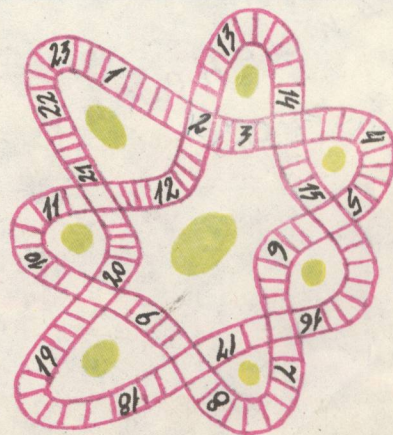
Владимир ВЕСЕЛОВ

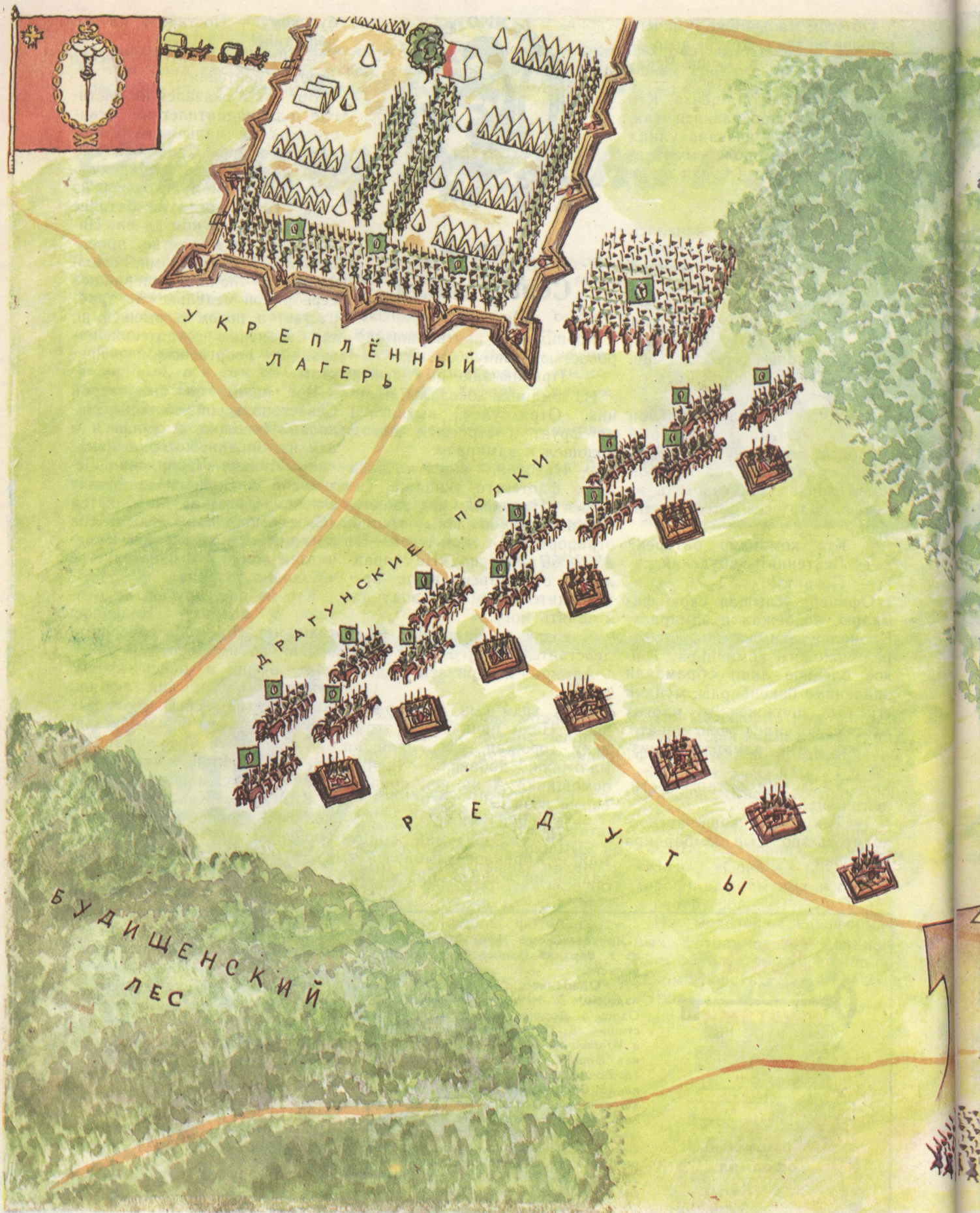

Составил и оформил
В. Уфлянд

Кроссчайнворд Лены ВОЛЬХИНОЙ из г. Верхняя Пышма Свердловской области.

1. Одаренность. 2. Кондитерское изделие. 3. Научное сочинение. 4. Овощ. 5. Дорога. 6. Мебель. 7. Трехстишие. 8. Путешественник. 9. Порт в Италии. 10. Навес. 11. Стихотворная форма. 12. Слоистый материал. 13. Военная специальность. 14. Смазка. 15. Отрасль хозяйства. 16. Фитиль, загорающийся от искры. 17. Производственное объединение. 18. Столица союзной республики. 19. Горючая смесь. 20. Перевозка грузов без перегрузки. 21. Зафиксированная речь. 22. Поджаренный хлеб. 23. Метрическая музыкальная единица.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИГРА

Вот она — эта изрезанная оврагами и замкнутая лесами равнина, где произошла знаменитая битва.

Что известно об армии противника? В ней 30 тысяч солдат, из них — 19 тысяч ветеранов. Они победили датчан, саксонцев, поляков, одержали поучительную викторию под Нарвой. Опытные бойцы, мастера атак, они верили в счастливую звезду своего отчаянно храброго короля. И он сказал им: «Не берите с собой еды, мы будем обедать в русском лагере. Идите же туда, куда вас зовет слава!»

И они пошли. И через два часа все было кончено. Непобедимая доселе армия была разгромлена, большая ее часть сдалась в плен!

Но что же произошло в ходе сражения?

Да, у русских было преимущество в живой силе и артиллерии. Но ведь король знал об этом и надеялся на выучку своих ветеранов, справедливо полагая, что битвы выигрываются не числом, а умением!

Ответ один: перед вражеским полководцем была поставлена неразрешимая для него тактическая задача. И в этом вы убедитесь сами, если внимательно приглядитесь к расположению русских войск перед началом битвы.

СОВЕТЫ ГЛАВНОГО КОНСУЛЬТАНТА
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИГРЫ

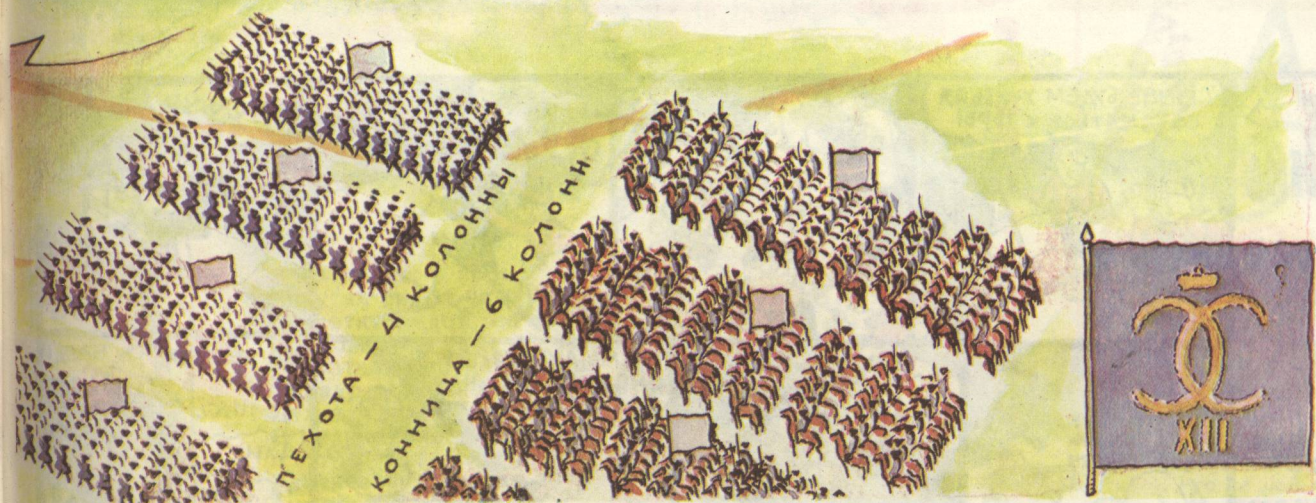
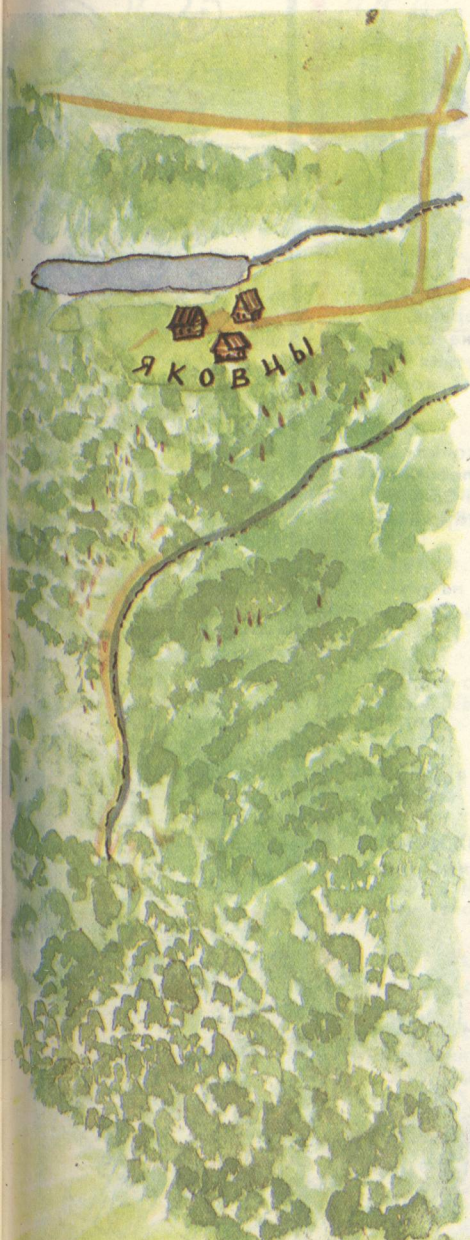
Смотрите: перед главными силами русской армии построено десять редутов. Редут — земляное укрепление, подготовленное для круговой обороны. Шесть редутов стоят в линию, четыре — перпендикулярно к ним. Пространство между редутами простреливается ружейным огнем.

Следовательно, вам предстоит ответить только на три вопроса:

1. Почему редуты находились впереди главных сил армии?
2. В чем состояло новаторство русских фортификаторов, которые построили не сплошные укрепления, как это делалось во многих странах, а оставили в оборонительной линии неукрепленные промежутки?
3. Где и когда произошла битва и кто командовал русскими войсками?

Ответы на вопросы задачи № 6 присылать до 1 мая 1979 г.

Оформление Р. Попова

З-з-з-з! Звонок! Начинаем урок. Какой предмет? Математика? Нет. И не география тоже. А что же? Поясняю для всех: новый предмет — СМЕХ.

Открываем тетрадку, запишем все по порядку. Вот что будет предметом нашего изучения: несерьезные стихотворения, шаржи с натуры, острые карикатуры, веселые улыбки, «громатические ашипки», сатирические сказки, смешные под-сказки, фельетоны колючие, невероятные случаи, школьные шутки и прочие прибаутки.

На нашем уроке впредь запрещается НЕ шуметь, запрещается НЕ резвиться, НЕ смеяться, НЕ веселиться. Кто захочет, пусть громко хохочет, а кто хохотать стесняется, пусть просто улыбается!

Все ясно? Прекрасно. Желаю успеха!

*Учитель
Смеха*

Объяснение

- Валентина Павловна, можно?
- Входи, Сережкин.
- Я опоздал.
- Об этом я уже догадалась. Объясни-ка, что случилось?
- Ой, чего только не случилось! Во-первых, у меня испортился будильник. Часовая стрелка стала двигаться против часовой стрелки, а минутная — против минутной. И поэтому я не мог узнать какой час.
- Потом узнал?
- Потом узнал. Я быстро оделся и выскочил за дверь. Смотрю — маляры выкрасили всю лестницу и повесили табличку: «Проход закрыт!» Это значит, пока не высохнет. Пришлось всем жильцам спускаться по водосточной трубе.
- И тебе тоже?
- Конечно! Я быстро спустился, выбегаю на улицу, смотрю — на ту сторону никак не выйти, всю улицу перекрыли.
- Что, тоже выкрасили?
- Нет, что вы! Просто оказалось, что по проезжей части вели жирафу, поэтому все движение остановилось.
- Куда же вели эту жирафу?
- Не знаю, наверное, в зоопарк. Или в цирк. Пришлось ждать. Ну, а потом я побежал в школу, потому что больше ничего не случилось.
- Все?
- Все.
- Так, очень интересно. А теперь сознайся, Сережкин, есть хоть два слова правды из того, что ты нам сейчас рассказал?
- Два слова есть...
- Какие же это слова?
- «Я опоздал»...

Леонид КАМИНСКИЙ
Рисунки Г. Ясинского

Разоспорились до ссоры
И за пары пустяков:
Кто сильнее — два боксера
Или восемь бегунов?
А чего тут зря гадать —
Бегунов-то не догнать!

В. НЕСТЕРОВ

ЗИМНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Толка,
Алик
и
Виталик

Рисунок К. Кюфа

— Нет, я слишком болен, чтобы ходить в школу...

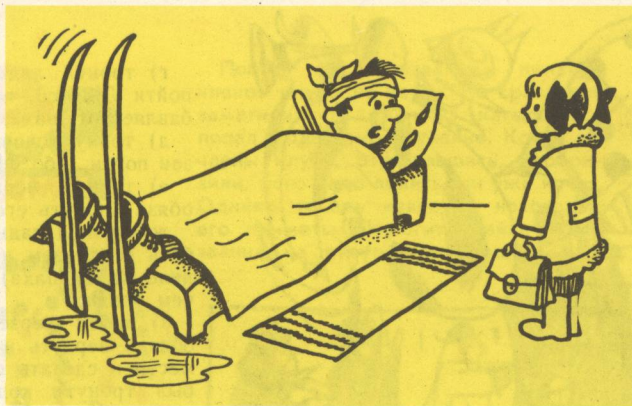

Рисунок К. Кюфа

ВОВКА И ГРЕКИ

Древних греков проходили...
 Возвратясь из школьных стен,
 Вовка крикнул всей квартире:
 — Буду жить, как Диоген!
 Бочки нет, сидит в кладовке.
 Но едва пришел обед,
 Диоген наскучил Вовке:
 „Лучше буду—Архимед!“
 Вытесняет воду на пол,
 Чтобы свой измерить вес.
 В дверь стучится Вовкин папа:
 — Кто там в ванную залез?
 Отругали Архимеда...
 А на утро—снова спор:
 — Кто штаны изрезал деду?
 Ну конечно,—Пифагор!

Еф. ЕФИМОВСКИЙ

Рисунок М. Беломлинского

СТРАШНАЯ ОПАСНОСТЬ

Джек Лондон собрался в кругосветное плаванье. Но на его яхту судьи наложили арест. „У вас долги!“ — заявили они писателю.

Лондон расплатился с кредиторами. Но судьи не снимали ареста.

„Возможно, у вас еще есть долги, о которых мы не знаем...“ — сказал один судья. „Или долги, о которых вы сами не знаете...“ — сказал другой. Только через несколько недель яхта ушла в море.

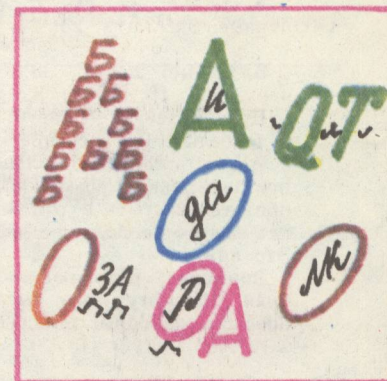
Когда Лондона спросили, каких опасностей следует бояться морскому путешественнику больше всего, он ответил: „Наших судей. Они страшнее акул!“

ПРИЗНАНИЕ ЭДИСОНА

Соседи, жившие со знаменитым американским изобретателем Эдисоном в его юные годы на одной улице, удивлялись религиозности юноши: выходя из дома, Эдисон обязательно заворачивал к церкви.

— Дело в том, — признался Эдисон в старости, — что у меня не было теплого пальто, и я заходил туда погреться.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТАМИ

Из ребусов, присланных Олей РОМАНОВОЙ из Новоульяновска, Ириной М. из Норильска, Леной ПОЛЯКОВОЙ из Хмельницка, мы составили картинку. Что за ней изображено?

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

В образе деда Щукаря автор юмористически описывает его смехотворную жизнь.

На всём скаку всадника выбрало лошадью...

Бобры занимаются проектированием и строительством плотин.

Дед Мазай выступил в защиту окружающей среды.

Кенгуру прячут своих детёнышей во внутренние карманы.

Клетки

В зоопарке, в первой клетке Попугай сидел на ветке. В клетке рядом, во второй — Воробышки, брат с сестрой. В третьей клетке — сокол гордый. Страус рядышком, в четвертой, Пеликан томился в пятой С пеликанихой носатой... А потом была шестая — Удивительно пустая. Лучшее всех она была: Никого не стерегла!

Вольф СУСЛОВ

Рисунок Ф. Васильевой

ШТАБ АРЧЕБЕКА СООБЩАЕТ

1. Все писавшие заявку в Чемпионат-79 допущены. Шахмат-адмирал желает им успеха!

2. Прием в Чемпионат и в разведчики АРЧЕБЕКА пока продолжается. Заявки («Прошу принять меня...») писать на открытках. Приняты будут все. Торопитесь!

ЧЕМПИОНАТ-79

В рейд второй предстоит сегодня отправиться отважным разведчикам АРЧЕБЕКА! Готовы?

Шахматы.

А. Белые: Крс2, Лб2; черные: Кра1, Кс1.

Б. (В. Симоший). Белые: Кре6, Фе1, Лс1, Лг1; черные: Кре8, Кс4, Кг4.

Цель разведки — дать мат в 2 хода.

Русские шашки.

А. (Д. Калинин). Белые: ф2, ф4, г1, h2, h4; черные: б2, ф6, h6.

Б. (Н. Торопов). Белые: а1, а3, с1, с5, е5, h6; черные: а5, с3, d8, f2, f8, г7.

Цель разведки — ни одну из черных шашек не пропустить в дамки. И одержать быструю победу!

Международные шашки.

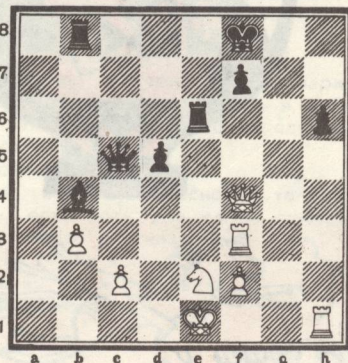
А. Белые: 25, 31, 32, 33, 35, 39; черные: 9, 13, 19, 23, 24, 26.

Б. Белые: 25, 26, 33, 39, 43, 44; черные: 6, 16, 24, 29, 32, 35.

Цель разведки — найти пути к победе белых. Разъяснение обстановки: в МШ есть «правило большинства» — при нескольких возможностях удара обязательно бить в том направлении, где бьется наибольшее число шашек. Это важно!

Внимание! Вступающим в разведчики МШ могут быть высланы по их просьбе подробные объяснения.

КАК ДОЛЖЕН ПОЙТИ ЗАЙЧИКОВ?

Вы, конечно, помните (см. «Костер» № 11), что Вася Зайчиков играл тут белыми; что его противник сыграл Св4+, но вслух слово «шах» не произнес; что Вася, не заметив, что его король под шахом, не предупредил — «поправляю», а протянул руку и дотронулся...

Вот ответы на вопросы этого конкурса. Но сначала о двух правилах: 1) дающий шах может и не говорить слово «шах», 2) когда королю шах, то главная обязанность игрока избавиться его от шаха.

А теперь ответы. Если Вася — а) тронул пешку б3... Так как ею пойти нельзя, он вправе ходить чем угодно;

б) тронул ладью h1... Так как у нее нет хода, избавляющего от шаха, он вправе пойти чем угодно;

в) тронул коня е2... Так как конь связан и им пойти нельзя, Вася вправе ходить чем угодно;

г) тронул ладью f3... Он обязан пойти Лf3—с3, так как этот ход избавляет от шаха;

д) тронул своего ферзя... Он обязан пойти либо Фf4:b4, либо Фf4—d2;

е) тронул черного слона... Вася обязан побить его — Фf4:b4;

ж) тронул ладью b8... Так как побить ее ферзем нельзя (это не избавило бы от шаха), Вася вправе пойти чем угодно;

з) побил ферзем пешку f7... Вася обязан вернуть и ферзя и пешку на место и сделать ферзем (так как он был тронут) ход, избавляющий от шаха;

и) тронул ладью f3 и черного слона... Вася обязан пойти Лf3—с3 (так как своей тронутой фигурой должен ходить, а побить ею слона невозможно).

Кто же победил в этом конкурсе? Донесения разведчиков получены. Их рассматривает Ферзьбери. О победителях читайте в «Костре» № 5.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Внимание: боевое задание!

Сыграй 25 партий! (Конечно, не за один раз). И не вешай нос при проигрыше: за битого двух небитых дают.

Напиши рапорт о рокировке: что это такое? Когда рокировать нельзя? Зачем делают рокировку? (Если не знаешь, пиши: «Не знаю». Тебе объяснят).

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 11. Тренировочная кабина: № 1. 1. Фd5 Кс6 2. Ф:c6 Крb8 3. Фс7+. № 2. 1. с5! б6 2. с3X. № 3. 1. 40! 49 2. 7!X. Отвечает Пешкоедов: № 1. Разомкнутая расстановка — Б. пр. с7, d2, d4, е5, е7; Ч. Д. б2, пр. f2. Переход — ... fg1; dc3 g:f6. № 2. Разомкнутая расстановка — Б. а5, b4, с5, е5; Ч. а7, с7, d8, f8, g5, g7, h6. Переход — cd6 gf6; e:g7 с:е5; bc5 de7; ab6 ef6; cd6 a:e7.

«Костер» № 12. Стол находок: № 1. 1. Kh6! № 2. 1. Крb2! и, если Крb4, то 2. Фа8, а если Кра4, то 2. Крс3. Происшествие: Макаркин добавил себе черную простую на h2, после чего выиграл... Петя! — 1. gf2! 2. b8 d4 3. f2!X.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Всем разведчикам отправить рапорты до 15 апреля.

§2. Рапортовать только на открытках!

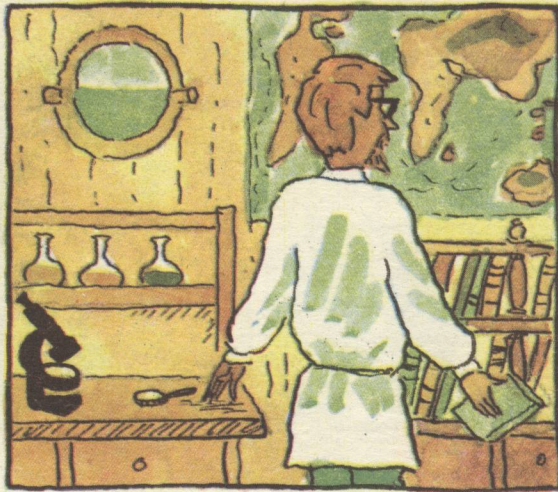
§3. В левом верхнем углу открытки указать номер рейда разведки и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАТРОСА КОШКИНА НА ШХУНЕ „УДАЧА“

Текст О. ОРЛОВА
Рисунки
Б. Цыганкова

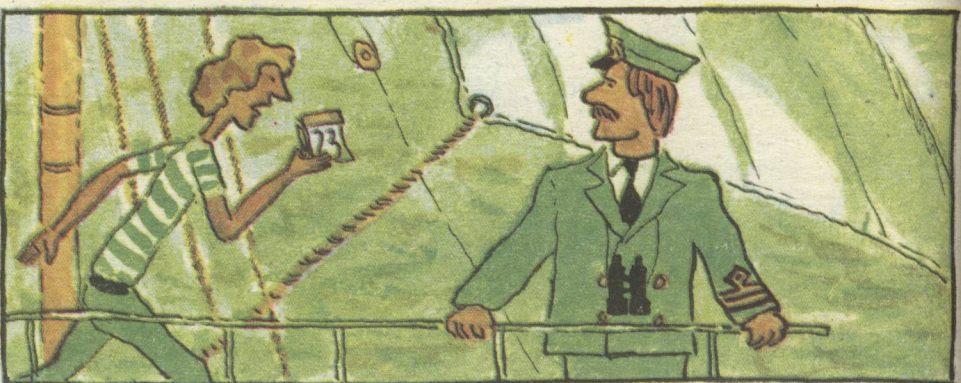

— Завтра шхуна пересечет 180-й градус...

— Ура! Завтра — 22 января, мой день рождения! Испеките праздничный пирог...

— Завтра всех приглашаю на мой день рождения!

— Товарищ капитан! А где же мой день рождения?